

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

7 Октября.

№ 11.

СОДЕРЖАНІЕ.

АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ. РАЗСКАЗЪ ПРОБЪЗЖАГО ЧЕЛОВѢКА.

Н. БЕРДЯЕВЪ. О СВОБОДѢ И ДОСТОИНСТВѢ СЛОВА.

И. ЭРЕНБУРГЪ. НАВСЖДЕНІЕ.

ПРАПОРЩ. В. ВЫСОЦКІЙ. СУДЬБА АРМІИ.

С. ФЕДОРЧЕНКО. СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. ПИСЬМА СО СТОРОНЫ.

ПРОФ. Л. ЯСНОПОЛЬСКІЙ. БАРОМЕТРЪ РЕВОЛЮЦІИ.

ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. ПРИНЦИПЪ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЪ ПРЕДСТОЯЩЕЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМѢ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. ГРЕЧЕВЪ. ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

Л. ЛОТОВЪ. УРОКЪ НАДО УЧЕСТЬ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОГНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ перулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 3. Тел. 3-97-14 и 61-03.

РАЗСКАЗЪ ПРОЪЗЖАГО ЧЕЛОВѢКА.

Разсказъ Алексѣя Толстого.

Падали за окнами на желѣзо капли дождя, и вѣтеръ, громыхнувъ иногда крышей, то принимался насвистывать вокругъ дома, на углахъ карнизовъ, по какимъ-то непримѣтнымъ шелкамъ, то вылъ въ печную трубу, повсюду засовывая черныя, мокрая, лохматая губы.

Среди насъ, утомленныхъ суетою дня, газетными ужасами, тяжелыми предчувствіями, и въ этотъ вечеръ забившихся въ накуренную теплую комнату, сидѣлъ, на жесткомъ стулѣ въ углу, проѣзжій. Былъ онъ высокъ и костлявъ, одѣтъ въ поношенную форму штабсъ-капитана и, видимо, тяготился нашей обывательской бесѣдой. Его крупное, худое лицо съ большими глазами, оттѣненными синевою, было сурово и неприятно. Только ротъ, небольшой и мягкій, улыбался иногда совсѣмъ по дѣтски, но улыбка не шла дальше губъ, не освѣщала ни лица, ни глазъ. Забравъ подъ стулъ ноги въ большихъ сапогахъ, онъ, казалось, могъ такъ просидѣть до утра, прямо и молча, или вдругъ, ни съ кѣмъ не простившись, уйти.

Бесѣда наша была похожа на мочалку, которую жеваль каждый поочередно: Пропадемъ или не пропадемъ? Быть Россіи или не быть? Будутъ рѣзать интеллигентовъ или останемся живы? Одинъ увѣрялъ, что «вырѣжутъ всѣхъ и не позже пятницы», другой говорилъ: «оставьте, батенька, зачѣмъ насъ рѣзать, чепуха, не вѣрю, а вотъ продовольственные магазины громить будутъ». Третій сообщалъ изъ достовернаго источника, что «къ первому числу городъ начнетъ вымирать отъ голода». «Ну и умремъ, сказалъ четвертый, велика бѣда, все равно помирать надо когда-нибудь». «Но я не хочу умереть насильственной смертью!»—восклицалъ пятый. И этому наивному заявленію улыбались. Затѣмъ сморщенный и маленькій, съ вылѣзающимъ воротникомъ, газетный писатель, мгновенно возбуждись, произнесъ, размахивая папиромъ и надвигая пенснэ, слѣдующее:

— Самое скверное то, господа, что вся эта міровая потасовка, съ пятью милліонами убитыхъ, ни къ чему! Я понимаю страдать когда впереди свѣтлая и ясная цѣль! (Онъ изобразилъ всѣмъ видомъ свсимвъ эту цѣль, при чемъ воротникъ его полѣзъ на затылокъ). Но какая цѣль во всемъ этомъ міротрясеніи, я спрашиваю? Мы устали! Дайте намъ отдыхъ! Мы не хотимъ ни чего больше! Не вѣримъ. Истины изнасилованы! Идеалы заражены сифилисомъ! И, какъ нѣкогда погибли Сдэмъ и Гомора, такъ и надъ нами простертъ мечъ ангела божьяго. Имя нашему времени—возмездіе. Не трудитесь въ немъ искать ничего хорошаго..

— Скуууучно...—завылъ вѣтеръ въ печной трубѣ.

И не успѣлъ маленькій писатель, очень довольный слсвами свсими, закурить новую папирисочку, влѣзши поглубже на диванъ, какъ внимательно слушавшій его штабсъ капитанъ сказалъ спокойно, не безъ твердости въ суровомъ своемъ искомъ голосѣ:

— Извините, пожалуйста, не знаю вашего имени отчества, вы говорите ерунду.

Я не стану описывать, какъ послѣ неловкихъ этихъ словъ начался громкій споръ, гдѣ три пожилыхъ чловѣка принялись вылѣзать изъ себя, доказывая что война и революція безцѣльны, а другіе три пожилыхъ чловѣка тоже вылѣзли изъ себя, доказывая,

что война и революція приведуть къ цѣли, какъ маленький писатель сначала обидѣлся, потомъ разгорячился, потомъ обезсилѣлъ. Все было, какъ тому и быть надлежитъ. Наконецъ, штабсъ-капитанъ, задѣтый, должно быть, дальнѣйшимъ споромъ, и неожиданно, когда всѣ уже охрипли и по собачьи только лягали другъ на друга, всталъ со стула и, прислонясь спиной къ изразцовой печи, проговорилъ:

— Позвольте мнѣ разсказать случай изъ жизни, такъ, я думаю, будетъ понятнѣе...

— Прежде, до войны, я занимался живописью, былъ женатъ и проживалъ въ Москвѣ. У меня были средства, небольшая, почти удовлетворявшая меня, извѣстность и привычка къ постоянной праздности, душевнымъ имья инямъ.

Каждый день долженъ былъ приносить что-нибудь пріятное, милое удовольствіе, иначе день казался потеряннымъ. Поэтому я и любилъ легко, безъ осложнений, и легко сходилъ съ друзьями, и безъ труда разставался, и была у меня особая уловка лавировать между крупными неприятностями и слишкомъ обаяющими страстями. Легкая, пріятная, не глупая жизнь. Да, вспоминая, я не вижу на ней пятенъ, но и не вижу почти и ее саму.

Меня всегда удивляло только одно странное чувство: я никогда до конца не былъ ни счастливъ, ни веселъ; точно во мнѣ былъ темный уголокъ, куда никогда не доходило ощущение счастья и веселья. Это можно сравнить съ легкой астмой: невозможность до конца, до послѣдняго дна вдохнуть воздуха.

Иногда казалось, что меня ждетъ несчастье, близко, близко, вотъ-вотъ. Но время шло все такъ же гладко, и не случалось ничего тяжелаго, развѣ только медленный и молчаливо рѣшенный съ обѣихъ сторонъ, разрывъ съ женой. Не расходились мы, въ сущности говоря, только потому, что не было повода. Но и не тяготились другъ другомъ. Выставки, дружескія попойки, издательскія затѣи, поѣздки, вечера,— какъ легкій безбольный вихрь, уносили насъ въ кругъ дней. Осталось отъ всего ощущение электрическаго свѣта, женскаго шелка, запаха духовъ и грусти.

Кончился сезонъ, послѣдній въ нашей жизни, послѣдній шумный и блестящій сезонъ въ столицѣ. Знакомые потянулись за границу, въ усадьбы, въ Крымъ. Поѣхали въ Крымъ и мы съ женой.

Я накупилъ много красокъ, но писать не пришлось: на югѣ было особенно въ этотъ годъ весело и шумно. Почти тревожно. Многие неожиданно разошлись— мужья съ женами, другіе внезапно, отчаянно влюбились. Присиходили странные, почти непонятные ссоры. Точно еихрь окрѣпъ, и теперь бѣшено, невидимо, крутился между людьми, туманя сознание, распаяя чувства. Это былъ тоже послѣдній сезонъ въ Крыму.

Въ серединѣ лѣта чувство безпокойства и неутоленности стало болѣзненнымъ, какъ наединушная на мое сознание дурная тѣнь. Я пересталъ спать. Часто ссорился. Уходилъ надолго въ горы и сидѣлъ передъ картономъ, не кладя ни мазка, глядя на холмы, море, на странные, какъ горы и дымы, желтоватая облака, поднявшіяся къ выцвѣтшему небу.

Точно все было не настоящее, не истинное, подернутое призрачной пеленой. Но что подь нею? Какая земля? Какая правда? И тоска сдавливала сердце.

Жена, по своему понимая мое настроеніе, торопливо, со злобой, искала ту, въ кого я долженъ быть влюбленъ. Однажды всю ночь мы проговорили на пескѣ, у моря. Это давно ожидаемое, такое страшное, болѣзненное объясненіе оказалось скучнымъ и многослсвнымъ, только. Между нами не нашлось ни одной ниточки, которую можно бы оторвать съ кровью: все уже давно сгнило; мы наговорили лишняго, пошлаго; было скучно и утомительно, какъ надоѣвшая давно зубная боль.

Это, пожалуй, похуже остраго горя. Жена плакала, сидя на пескѣ. Я бросалъ въ море плоскіе камни, они подпрыгивали по бликамъ луннаго свѣта и тонули въ темной водѣ.

Мы рѣшили разстаться на время, не хватило страсти сознать, что расстаемся совсѣмъ. Жена ушла спать, я собралъ чемоданъ и, еще не зная куда поѣду, сидѣлъ на террасѣ, ожидая кофе.

Утро было тихое и жаркое, отъ зноя выцвѣли и уголь каменной дачи, и листья на тополяхъ, гравій, трава и даже небо, и все было затянута полупрозрачной, неподвижной мглой. За невысокой изгородью изъ путаннаго кустарника поднимались на высокиихъ стебляхъ подсолнухи, пять или шесть—шапками, повернутыми къ солнцу. За ними—бѣловатая мгла и въ двадцати шагахъ море, неподвижное и маслянистое. Съ низкой террасы казалось, что оно уходитъ далеко и высоко, и выше его края стояли пять подсолнечныхъ шапокъ съ золотыми лепестками.

Это была странная, единственная минута: тихій, мгlistый зной и поднявшіеся изъ него, какъ изъ марева, подсолнухи, неподвижные, слѣпые, обращенные къ солнцу. Все это было какой-то непостижимой чертой, о которую спотыкнулось мое время, непрерывный, не достигающій сознания, потокъ секундъ, мгновений, ударовъ моего сердца. Я увидѣлъ, какъ отъ этой черты вглубину побѣжали печальной рѣкой мси прошлые дни, и какъ въ другую глубину заплѣлся мгlistый потокъ будущихъ дней.

Такъ вотъ чѣмъ было это всегдашнее предчувствіе бѣды! Вотъ когда въ темные тайники дошло наконецъ ощущение жи ти! Вотъ когда стало понятно, что счастье—только слѣпцамъ, тѣмъ кто изъ тумана дней поднималъ слѣпое лицо! Какое невыразимое одиночество на землѣ! Какое покорное созерцаніе смерти. Какъ печалень человѣкъ, вдругъ выросшій, словно грибокъ, подь необъятымъ солнцемъ, чтобы на закатѣ и самому склонить головку...

Прислонясь къ балюстрадѣ я заплакалъ. Все это, конечно, нельзя рассказать словами.

Затѣмъ я уѣхалъ въ Москву, и тамъ одинъ въ квартирѣ, съ замазанными мѣломъ окошками, влялся на диванахъ, курилъ, перелистывалъ журналы или брэнчалъ на пьянино. Хотѣлось только одного—спать, какъ можно дольше, уткнувшись носомъ, не вспоминая, не ждя ничего; на все былъ одинъ отвѣтъ: «Къ чему?»... Всѣ, всѣ, всѣ только слѣпые лица передь солнцемъ, пожирающимъ землю. А пріятель докторъ сказалъ: «у тебя, братъ ты мой, сильнѣйшее нервное переутомленіе, нужны ванны и статическое электричество».

Это было отвратительное время. Душа моя изныла въ тоскѣ смерти. Точно я тридцать два года вертѣлъ

колесо въ каторжной тюрьмѣ, и вотъ вижу, что колесо лишь вдѣлано въ стѣну, не для чего, такъ. Вотъ какой была моя жизнь до войны. И вы спросите—съ чего это я такъ разстраивался? Почему какіе-то тончайшія настроенія могли повергать меня въ уныніе? Бѣсился съ жиру? Да, бѣсился, но не съ жиру, а отъ худосочія, отъ затхлости—всѣ силы души были замкнуты и гнили въ темныхъ подвалахъ.

Внезапно пришла война. Уже давно крутившійся вихрь теперь сильнымъ студенымъ сквознякомъ сорвалъ и унесъ всѣ лохмотья, всѣ румяна, всколыхнулъ оголтѣвшее, пьяное болото по всей Россіи. Вы помните, какъ потянулись на западъ поѣзда, обозы, сѣрая, бородатая, запасная Русь, какъ запѣли, засвистали солдаты, проходя по переулкамъ, завывли бабы, и какъ франты, вчера еще танцевавшіе танго, напудренные молодые люди, усталые скептики и прочее. и прочее—все это перекинуло черезъ плечи бинокли, натянуло смазные сапоги и поѣхало воевать.

Теперь, мнѣ кажется, я понимаю: у всѣхъ тогда было нетерпѣніе доказать, что, молъ, и мы нация, оправдаться, снять позоръ. Да, да, я помню по себѣ—снять позоръ лѣнливой, грязной, сонной, хамской жизни. Но видно слишкомъ многое намъ приходится доказывать, и оправдывать, и мало еще для этого одного геройства, смерти на бранномъ полѣ... Хотя, простите, я уклонился отъ разсказа.

Разумѣется, я вылѣзъ на улицу, кричалъ и волновался вмѣстѣ со всѣми; встрѣчая на Тверской царя говорилъ: «Все-таки, знаете, какъ ни какъ, а сейчасъ это символъ»; послалъ нѣжнѣйшее письмо женѣ, гдѣ просилъ прощенія; накопилъ цѣлый чемоданъ вещей военно-походнаго обихода, записался въ нѣсколько мѣстъ добровольцемъ, внезапно былъ призванъ, и въ августѣ попалъ въ Восточную Пруссію, въ бои.

Первый грохотъ пушки! Боже, сердце готово было умчаться туда за визжащимъ снарядомъ. А пожаръ станціи! Какое мрачное великолѣпіе въ черныхъ клубахъ дыма! Это мы, мы подняли огонь и дымъ до самаго неба. Помню изъ желтѣющаго лѣса (я былъ въ развѣдкѣ) безшумно, какъ дикіе животные, выскользнули два всадника въ уланкахъ. Передній осадилъ лошадь и, пове жувшись въ сѣдлѣ, ломалъ гроздь рябины. Мой развѣдчикъ выстрѣлилъ. Лошадь шарахнулась, поскакала по кустамъ, а уланъ, торопливо вытаскивая изъ кобулы карабинъ, наклонился въ сѣдлѣ поднимать руки, обхватилъ ими горло и съскользнулъ въ траву, какъ мѣшокъ. Я обругалъ солдата (приходилъ съ отступать, не ксивъ развѣдки) но, все же, какъ ловко свалился уланъ! Какъ все здѣсь ловко и сильно, и быстро! И не нужно нанюхиваться кокаиномъ, ни одурять себя какими-то странными запахами, мечтами, дымомъ, виномъ, чтобы зиграли всѣ поджилки и распахнулась, запѣнилась душа. Здѣсь мы рванулись въ азартную игру, гдѣ призомъ была чужая смерть, а своя—битой картой. А красныя лужицы, оторванные руки и головы,—чортъ съ ними, не до того! Ставь убійцами, мы, какъ звѣри, почуяли жизнь...

И даже потомъ, когда отходили изъ Пруссіи, дрались днемъ и ночью, мокли подь ливнями и топли въ болотахъ, когда на свистъ пули только морщились, зная, что свистнувшая миновала, а ту, что вопытсся, не услышишь, когда бросали умирающихъ и раненыхъ, когда вся грязь казалась липкой отъ крови, даже и тогда смерть была лишь неудачей, случайностью, но

не тѣмъ, очемъ стоило думать... Странно, вѣдь, это все же то, передъ чѣмъ все становится бессмыслицей, и я не разъ вспоминалъ утро съ подсолнечниками... Но тогда смерть была иной, тогда я умиралъ весь, уходилъ въ сумерки. А сейчасъ я гдѣ-нибудь и шлепнусь съ разбитой башкой, но это будетъ эпизодъ, не больше! Я то останусь, какъ—не знаю, но я останусь, вѣрю, не умру.

Затѣмъ наступилъ нашъ разгромъ, отходъ и отчаяніе. Мы оцѣпенѣли на долгіе мѣсяцы, зализывали раны, томились, мечтали о чистотѣ, о красивыхъ женщинахъ, о штатскомъ платьѣ. Собираясь, вспоминали, кто кѣмъ былъ въ прошлой жизни, какіе носилъ галстуки, и говорили со вздохомъ: «хорошо бы теперь посидѣть даже не въ гостинной, а въ чистомъ, свѣтломъ клозетѣ». Это былъ упадокъ, тяжелый сонъ подъ мокрой, вонючей шинелью.

Помню, шлепалъ дождь, размывая глину, и вѣтеръ хлопалъ парусомъ на плохо сколоченной двери землянки. Мы играли въ карты, сидя на грязныхъ койкахъ. Красныя отъ коньяку, опухшія лица товарищей точно плавали въ табачномъ дыму. Между нами былъ штабсъ-капитанъ Т., когда-то видный адвокатъ, красавецъ, цѣнитель искусства, теперь кривой, обрюзгшій челсвѣкъ, бородатый и почесывающій себя подъ рубашкой. Онъ выирывалъ, хохоталъ, раскрывъ ротъ, и приговаривалъ съ каждой картой: «Кончилось, мальчики, кончилось сладкое житье, але марше налѣво!». На дняхъ онъ уѣзжалъ въ отпускъ и обѣщался привести оттуда «запашекъ дамскихъ рубашечекъ».

Во время игры, прикрывъ блюдечкомъ пачку денегъ, онъ вышелъ на минутку. Мы бросили играть, ожидая. Минуть черезъ сорокъ появляется изъ-за парусины мокрый деньщикъ и докладываетъ, что штабсъ-капитанъ убитъ пулей въ голову наповалъ.

Мы убрали карты и легли по койкамъ. Плюхало, плюхало, плюхало надъ головой. Доносились рѣдкіе выстрѣлы. Голова у меня болѣла и въ горло сжималось тошнотой. Псвернувшись на бокъ, я открылъ глаза и увидѣлъ у стола, беззвучно сотрясаясь красной рожей, сидитъ хохочетъ надъ картами штабсъ-капитанъ, а черезъ него виденъ сапогъ со шпорой на койкѣ...

Должно быть я слишкомъ много выпилъ коньяку. И вотъ тогда-то до очевидности стало ясно, что войну нужно кончать, что мы изжили войну, *войной побѣдили смерть физическую, а должно еще побѣдить смерть духа*. И предстоитъ намъ что-то еще болѣе огромное, страшное и великое, чѣмъ война. Вся армія (мы знали это по «солдатской газетѣ») томилась въ ожиданіи. Чувствовали, что Россія за нашей спиной корчится, какъ передъ смертью. Ждали, стиснувъ зубы. И, когда грянула революція, показалось, что налетѣлъ пьяный вѣтеръ, какъ лихорадка, и сразу у всѣхъ пропала охота убивать.

Заговорили. Всѣ. Полки, дивизіи, весь фронтъ, хоть волосы рви. Прорвало. И былъ такой даже случай: послали въ атаку два батальона; солдаты пошли, мы смотримъ съ горки—остановились и руки поднимаютъ. Генераль ворчить: «Сволочи, сдаются». Нѣтъ, пошли дальше, опять стали и руки поднимаютъ; и такъ до трехъ разъ. Это они, въ атаку идя, голосовали. Все же добѣжали до врага, выбили его, плѣнныхъ взяли и тутъ же сообща устроили митингъ съ резолюціей, чтобы немедленно, вотъ сейчасъ, былъ

всеобщій миръ и братство народовъ, чтобы ни бѣдныхъ больше, ни богатыхъ не стало, словомъ—всеобщая справедливость. Австрійцы же въ это время начали поливать митингъ шрапнелью и убили председателя, но резолюцію наши все-таки вынесли и даже послали въ газету напечатать.

Что это—глупо? Да. Смѣшно? Конечно. Но когда двѣ тысячи неграмотныхъ мужиковъ, забравъ плѣнныхъ, подъ шрапнелью болтаютъ еловыми языками о міровой справедливости—я не скажу: мы погибли, Россія кончилась. Здѣсь что-то выше моего пониманія. Быть можетъ, я слышу, какъ «истина глаголетъ устами младенцевъ?». Быть можетъ истина устраиваетъ гнуснѣйшую гримасу: что, молъ, съѣли! Повернули колесо! Перемудрили исторію!

Въ прошломъ мѣсяцѣ явился ко мнѣ въ роту большевикъ, мальчишка, хитроглазый, увѣренный чрезвычайно—товарищъ Сережа. Солдаты облѣпили его какъ медъ. И не знаю—за деньги или отъ глупости онъ чепуху болталъ, только взяло меня зло. Противъ скался къ нему и говорю:

«Собственно какая ваша непосредственная цѣль, позвольте спросить, и такъ далѣе»...

Онъ мнѣ немедленно, съ бойкостью: «Вы, товарищъ, контръ-революционеръ, поэтому я васъ формально отвожу». Я развернулся и его въ зубы. «Ой, убиваютъ», завещалъ онъ, нахлобучилъ шляпу и бѣжать. Солдаты молчатъ. А, когда я хотѣлъ выйти изъ круга, надвинулись, смяли меня, и, ужъ не помню какъ, очутился я въ лазаретѣ, весь перевязанный, лежу и плачу, съ отчаянія самаго горькаго. Въ палаткѣ душно, воняетъ, больные храпятъ, и вижу, на койкѣ сидятъ четыре бородатыхъ мужика, выздоравливающіе изъ моей роты, и въ полъ-голоса рассказываютъ сказки другъ другу, про лѣсъ, про птицъ, курочекъ какихъ-то, про свѣтлу да милу, про шорохъ да шопотъ, про паучьи мхи... И слова все какія ласковыя, непонятныя, волнующія... И тутъ опять у меня въ головѣ все повернулось. Да что же такое, наконецъ, происходитъ? Тяжко намъ, неуютно, какъ подъ дождемъ на большой дорогѣ, и кажется—вотъ, вотъ отъ Россіи останется одна липкая лужа, и ужъ сердце замерло, какъ въ послѣднемъ часѣ, а часъ не послѣдній, и тамъ въ потемкахъ, въ пауциныхъ мхахъ, идутъ шорохи да шопоты, собирается наша душа.

И я вѣрю, что черезъ муки, униженіе и грѣхъ,—вѣрю черезъ свою муку и грѣхъ,—какимъ-то несуразнымъ, неуютнымъ образомъ, именно у насъ, облечется въ плоть міровая правда, какая-то, простая, ясная, божеская справедливость. И придутъ намъ поклониться, но, придя, увидятъ, что сіявшее имъ издали оказалось корявое и звѣгиное, и не поймутъ и вновь отвернутся... А мы будемъ себя терзать и казнить за то, что не похожи и не милы никому, за то, что видъ нашъ звѣриный...

Простите меня, господа, что слишкомъ долго утруждалъ ваше вниманіе, но я хотѣлъ все это рассказать къ тому, что увидѣлъ у васъ мало вѣры, а если и есть она, то хотите вы не того, что настааетъ, близится. Къ старому нѣтъ возврата, и не будетъ у насъ сейчасъ ни порядка, ни покоя. Рождается новая Россія, невидимая, единая и бѣлая, какъ Китеть въходитъ съ озернаго дна... А фабрики, заводы, асфальтовыя улицы это потомъ придетъ, само собой, сейчасъ это не важно... И что страшно сейчасъ—согласенъ. Страшно и жадно душѣ. Хорошо.

Штабсъ-капитанъ сѣлъ опять на стуль и закурилъ трубочку. Мы молчали, смущенные его разсказомъ. А, когда вскорѣ я вышелъ на волю, вѣтеръ гулялъ по улицѣ, громыхалъ желѣзомъ и насвистывалъ въ телеграфныхъ проволокахъ, гася на углу газовый фонарь. И казалось мнѣ—это вольный, гулкй, таинственный вѣтеръ истории шумить во всѣхъ снастяхъ.

Штабсъ-капитанъ нагналъ меня и пошелъ рядомъ, покашливая.

— Знаете, я еще никогда такъ не чувствовалъ, что съ такой силой могу любить родину,—сказалъ онъ, повсртываясь бокомъ къ порыву вѣтра.

Алексѣй Толстой.

О СВОБОДѢ И ДОСТОИНСТВѢ СЛОВА.

Статья Н. Бердяева.

I.

Когда съ прѣосомъ говорятъ о завоеваніяхъ свободы революціей, то прежде всего должны были бы имѣть въ виду тѣ права человѣка, которыя не могутъ быть отъ него отняты ни во имя какихъ благъ земныхъ. Но объ этихъ священныхъ и неотъемлемыхъ правахъ человѣка менѣе всего у насъ думаютъ и менѣе всего заботятся. Пѣоса свободы человѣка нѣтъ въ стихіи русской революціи. Есть большія основанія думать, что русскіе не любятъ свободы и не дорожатъ свободой. Наша такъ называемая «революционная демократія» одержима страстью къ равенству, какой еще не видѣлъ міръ, подъ свободой же она понимаетъ право насилия надъ сосѣдями во имя своихъ интересовъ, произволь во всеобщемъ уравнии. Во имя равенства она готова у насъ истребить какую угодно свободу. И нравственный источникъ отрицанія правъ, гарантирующихъ свободу, нужно искать въ слабости сознания обязанности и въ неразвитости личнаго достоинства. Права человѣка предполагаютъ прежде всего обязанности человѣка. Безъ признанія обязанности хранить священное право ближняго ни о какихъ правахъ нельзя серьезно говорить, всѣ права будутъ раздавлены. Но русское революционное сознание исконно отрицаетъ обязанности человѣка, оно стоитъ исключительно на притязаніяхъ человѣка. И тотъ, въ комъ притязанія и требованія сильнѣе обязанности и долга, тотъ нравственно теряетъ свои права, тотъ нравственно хоронитъ свою свободу. Въ русскомъ революционно-демократическомъ душевномъ обликѣ совершенно померкло чувство вины, свойственное дѣтямъ Божьимъ, и замѣнилось чувствомъ безконечныхъ притязаній, свойственныхъ дѣтямъ міра сего. Всякое сознание обязанностей померкло въ той стихіи, которая нынѣ господствуетъ въ Россіи, и потому надъ правами человѣка совершаются непрерывныя надругательства. Въ гарантии правъ человѣка самое важное—не претензіи того, кто имѣетъ право, а обязанности того, кто долженъ уважать эти права и не посягать на нихъ.

Русская революционная демократія видитъ самыя цѣнныя завоеванія революціи во всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ учредительномъ собраніи, въ развитіи классовой борьбы, въ демократизаціи и социализаціи общества, но не видитъ ихъ въ правахъ человѣка, въ свободахъ человѣка. Да это и не удивительно. Революционной демократіи совершенно чуждо духовное пониманіе свободы и она готова продать свободу, связанную съ первородствомъ человѣка, за чечевичную похлебку интересовъ. И никакихъ реальныхъ и существенныхъ правъ и свободъ чело-

вѣка русская революція намъ не дала. У насъ нѣтъ своего *habeas corpus*. Наоборотъ, по мѣрѣ того какъ «развивалась» и «углублялась» революція, все болѣе торжествовало насиліе надъ всякимъ человѣческимъ правомъ и всякой человѣческой свободой. И прежде всего оказалось раздавленнымъ самое священное изъ правъ человѣка, самая священная изъ свободъ—свобода слова. Мы переживаемъ періодъ самаго страшнаго рабства слова и рабства мысли. Въ наши кошмарные дни мало кто рѣшается свободно и независимо мыслить, свободно и независимо выражать свои мысли въ словѣ. Наша печать въ тискахъ; она находится въ состояніи подавленности, ей приходится держаться условной лжи, навязанной господствующими силами. Прежде приходилось много условной лжи говорить оъ «его величествѣ государѣ императорѣ», теперь не меньшее количество условной лжи приходится говорить оъ ея величествѣ революціонной демократіи. И никто не рѣшается сказать, что король голъ (какъ въ сказкѣ Андерсена). На улицахъ и площадяхъ мало кто рѣшается громко высказывать свои мысли и чувства, всѣ боязливо оглядываются на товарищей по сосѣдству. Русскіе люди также начинаютъ говорить шепотомъ, какъ въ самые худшіе періоды стараго режима. И нужно прямо и громко сказать, что свобода мысли и свобода слова сейчасъ находятся въ болѣе опасной, чѣмъ въ старомъ режимѣ. Тогда за свободное слово сажали въ тюрьмы и ссылали въ Сибирь, теперь могутъ разорвать на части и убить. Тогда при старомъ гнетѣ свободная мысль работала и радикально критиковала господствовавшія силы, нравственно протестовала противъ гнета и цѣлое столѣтіе подрывала нравственный престижъ той силы, которая лишала людей правъ и свободъ. Общественное мнѣніе было противъ самихъ первоосновъ старой тираніи и всегда выражало это, хотя и эзоповымъ языкомъ. Теперь общественная мысль сдѣлалась менѣе свободной. Мало кто рѣшается возстать противъ первоосновъ современнаго гнета и изобличить нравственное безобразіе нынѣшней тираніи. Тиранія толпы страшнѣе, чѣмъ тиранія одного или нѣсколькихъ. Русская мысль находится въ тяжеломъ плѣну. Общественное мнѣніе парализовано, оно лишилось нравственнаго центра. Не звучитъ свободный, независимый, возвышающийся надъ борьбой интересовъ, надъ разъяреніемъ стихій голось національной совѣсти, національнаго разума, мысли-слова (логоса).

II.

Много критикуютъ у насъ тактику революціонной демократіи, призываютъ къ единенію и коалиціи, но нравственно капитулируютъ передъ той стихіей,

которая порождает тиранию, которая насилуетъ мысль и слово. Слишкомъ ужъ все взваливаютъ на большевиковъ, которые стали условной мишенью, въ то время какъ зло не только въ нихъ и не только они губятъ свободу въ Россіи. Зло распространено шире и источники его глубже. Интеллигенція наша исповѣдывала рабское міросозерцаніе, она отрицала самые истоки свободы—духовную природу человѣка, богосыновство человѣка. Народъ же слишкомъ долго жилъ въ рабствѣ и тѣмъ. И самыя священныя права человѣка, оправданныя его безконечной духовной природой, оказались отданными во власть количественной человѣческой массы, на растерзаніе толпы. Если судьбу свободы слова вручить утилитарнымъ интересамъ и расчетамъ, то въ нынѣшній день признаютъ лишь права того слова, которое служитъ революціонной демократіи, но отвергнуть и изнасилуютъ права слова, которое будетъ служить инымъ цѣлямъ, болѣе высокимъ и глубокимъ цѣлямъ. На этой зыбкой почвѣ лишь слова, льстящія интересамъ и инстинктамъ массъ, получаютъ безграничную свободу. Всѣ же иныя слова, звучащія изъ большей глубины, заподозриваются и насилуются. Отвратительный шантажъ съ обвиненіями въ контръ-революціи ведетъ къ тиранической расправѣ съ свободой мысли и слова, съ неприкосновенностью личности. Нужно наконецъ властно заявить, что истинная свобода слова въ Россіи предполагаетъ возможность высказываться всѣмъ, даже тѣмъ, которые являются сторонниками монархіи. Если свобода слова будетъ дана исключительно сторонникамъ демократической республики, то она будетъ не большей, а меньшей, чѣмъ при старомъ режимѣ,—тогда была безграничная свобода для словъ, произносимыхъ въ направленіи монархическомъ, и была хотъ небольшая, ограниченная свобода для словъ, произносимыхъ въ направленіи противоположномъ. А въ свободной Россіи хотятъ ограничить свободу слова лишь однимъ направлениемъ! Да и предполагалось, что Учредительное Собрание, т.-е. суверенный народъ, рѣшить, быть ли въ Россіи республиканскому или монархическому строю, и что слѣдовательно самыя разномыслящія слои могутъ къ нему свободно готовиться. Но монархическихъ убѣжденій никто у насъ не смѣетъ свободно высказывать, это было бы небезопасно, права и свобода такихъ людей не были бы гарантированы. И это есть нравственная ложь, порождающая тиранию. Республиканцы, достойные этого имени, должны были бы давать всѣмъ большую свободу, чѣмъ монархисты. Нужно лишить нравственного права говорить о свободѣ всѣхъ тѣхъ, которые признаютъ свободу лишь для себя и для своихъ.

Самочинныя рабочія и солдатскія организаци совершаютъ уже полгода надругательство надъ правами человѣка, онѣ живутъ отрицаніемъ свободы. Нельзя отрицать не только права, но и обязанности рабочихъ организовываться для отстаиванія своихъ насущныхъ интересовъ и для увеличенія своего социального значенія. Но у насъ совѣты съ самаго начала революціи вступили на путь классово-диктатуры, своеобразной анархической диктатуры и это превратилось въ истребленіе свободы въ Россіи. Надругательство надъ свободой и достоинствомъ слова достигло своего крайняго выраженія, когда разыгралась корниловская трагедія. Сразу же тѣма объяла русское общество и никто не смѣлъ пикнуть. Печать

была терроризована и вела себя безъ достаточнаго достоинства, она не рѣшалась потребовать прежде всего выясненія правды и приняла условную правительственную ложь о «мятежѣ» генерала Корнилова. Начался сыскъ, и надъ Россіей нависъ страшный призракъ краснаго террора, самочинной расправы надъ подозрѣваемыми въ сочувствіи ген. Корнилову. Испугъ охватилъ несчастное русское общество, испугъ еще большій, чѣмъ въ самыя страшныя времена царизма. Испугъ всегда бываетъ преувеличенъ, но онъ характеренъ для духовной атмосферы русской революціи. Въ русскомъ обществѣ началось нравственное угнетеніе. Со страхомъ шептались о провокаціи, породившей корниловскую трагедію. Права свободно защищать генерала Корнилова, военнаго героя, страстнаго патриота и несомнѣннаго демократа, не было дано. И лишь постепенно проникли въ печать разоблаченія, пролившія свѣтъ на эту темную и роковую исторію. Но эти кошмарные дни окончательно обнаружили у насъ отсутствіе свободы слова, приниженность мысли, подавленность духа. Ходъ революціи развилъ у насъ трусость.

III.

Нужно громко кричать о томъ, что въ революціонной Россіи свободы слова, свободы печати, свободы мысли не существуетъ, ея еще меньше, чѣмъ въ старой, самодержавной Россіи. Революціонная демократическая общественность лучше читаетъ въ сердцахъ и требуетъ большаго единообразія въ мысляхъ, чѣмъ дореволюціонная, реакціонная власть, слишкомъ равнодушная ко всякой общественной мысли и неспособная въ ней разбираться. Цензура революціонной демократической общественности болѣе всеобщая и всепроникающая, чѣмъ наша старая цензура. И нужно сказать, что цензура разбушевавшейся массы народной всегда страшнѣе, чѣмъ цензура правительственной власти, отъ которой многое ускользаетъ. Когда самъ народъ посягаетъ на свободу мысли и слова, посягательство это болѣе страшное и гнетущее, чѣмъ посягательство правительственной власти, отъ него некуда спастись. Послѣ революціоннаго переворота пали цензурныя оковы и уничтожена была даже необходимая во время войны военная цензура, но не было декларации правъ свободы мысли и свободы слова, посягательства на которыя есть преступленіе противъ человѣка и Бога. Разнузданность и распушенность слова не есть свобода. Эта разнузданность и распушенность загубила у насъ свободу слова. Свобода и достоинство слова предполагаетъ дисциплину слова, внутреннюю аскетику. Право свободы слова предполагаетъ обязанности по отношенію къ слову. Всякая свобода предполагаетъ дисциплину и аскетику и отъ разнузданія всегда погибаетъ. Тѣ разнузданныя оргіи слова, которыя за эти мѣсяцы практиковались въ революціонно-соціалистической печати уготовляли истребленіе всякой свободы слова. Разнузданность, распушенность и произвольное истребленіе свободы, свобода требуетъ сохраненія достоинства въ чловѣкѣ, блюденіе чистоты, самоограниченія. Развратное обращеніе со словомъ губитъ достоинство слова и порабощаетъ. Въ революціонной печати происходятъ оргіи словеснаго разврата. Революціонная фразеологія выродилась въ самый настоящій развратъ. Не развратъ ли всѣ эти лживыя крики о «контръ-революціи», не раз-

врать ли всё эти лживыя обѣщанія быстро наступленія социального рая, не развратъ ли всё слова о святости революціи, о святости интернаціонала и т. п.? Для завоеванія свободы слова необходимо бороться противъ этого словеснаго разврата.

Русскіе писатели, сознающіе свое призваніе, свое достоинство и свою отвѣтственность передъ родиной, должны были бы требовать провозглашенія гарантіи свободы мысли и слова. Но это требованіе можетъ нравственно импонировать лишь въ устахъ тѣхъ писателей, которые блюдутъ высшее достоинство слова и мысли, которые истину и правду ставятъ выше какихъ-либо интересовъ. Въ эти революціонныя мѣсяцы какъ бы померкли достоинство и значеніе русской литературы и русской свободной мысли. Слишкомъ многіе русскіе писатели оказались придавленными уличными криками о ихъ «буржуазности», о «буржуазности» всѣхъ образованныхъ, всѣхъ творцовъ культуры. У нихъ не оказалось достаточной силы сопротивленія передъ разбушевавшейся стихіей, они растерялись и сами начали произносить слова, не истекающія изъ глубины ихъ существа. У слишкомъ многіхъ русскихъ писателей не оказалось собственной идеи, которую они призваны вносить въ жизнь народную, они ищутъ идеи у того

самого народа, который находится во тьмѣ и нуждается въ свѣтѣ. Въ Россіи должно раздаться истинно свободное слово о томъ нравственномъ одичаніи и безобразіи, до котораго мы дошли, и слово это должно возвышаться надъ борьбой классовъ, группъ и партій, борьбой за интересы и за власть, оно должно быть отраженіемъ Божественнаго Слова, на которомъ только и можетъ быть обоснована святость свободного слова и свободной мысли, нынѣ поруганная и раздавленная. Это не есть вопросъ политики, это—вопросъ народной этики, вопросъ религіозной совѣсти народа. Народная совѣсть и народный разумъ должны имѣть центръ. И такимъ центромъ могутъ быть лишь носители высшей духовной культуры, свободные отъ рабскихъ оргій. Мы приходимъ къ неизбѣжности возродить духовныя основы нашей жизни и искать внутреннихъ источниковъ свободы. Чисто внѣшній путь влечетъ насъ къ гибели и рабству. Мы не хотимъ больше никакого рабства, ни стараго, ни новаго. Революціонное насиліе надъ свободой мысли и слова по существу несетъ въ себѣ сѣмя контръ-революціи, оно есть наслѣдіе стараго мракобѣсія и не можетъ быть терпимо въ свободной странѣ.

Николай Бердяевъ.

НАВОЖДЕНІЕ.

Статья И. Эренбурга.

Съ трудомъ вышелъ я изъ тѣсной залы Николаевского вокзала. Людскія волны, сметая меня, съ тюками, корзинами, сундуками неслись къ запретной рѣшеткѣ, разбивались отъ нея и снова возвращались. Нѣчто подобное видѣлъ я въ сентябрѣ 1914 г. на вокзалахъ Парижа, когда нѣмцы были въ тридцати верстахъ отъ города. Какая-то старуха въ шляпѣ съ ярко-оранжевыми лентами, задыхаясь, визжала:

— Но уйдетъ поѣздъ... а они идутъ на Псковъ.

Вотъ и Невскій, занесенный густыми пластами пыли. Магазины будто послѣ пожара—въ одномъ окнѣ парусиновая туфля—одна, въ другомъ двѣ баночки. Бѣдкій запахъ гари ѣстъ глаза. А веселые вольноопредѣляющіеся и дамы въ морскихъ картузикахъ, помахивая стѣками, крутятся, будто вальсируя, по широкимъ тротуарамъ и пропадаютъ въ боковыхъ улицахъ.

Долго бродилъ я по Петрограду, глядѣлъ на желтые дома, на каналы, на правильныя, слишкомъ прямыя улицы, на проходящихъ солдатъ и все казалось мнѣ, что городъ этотъ то исчезаетъ, то вновь появляется и не зналъ я, есть ли Петербургъ, Петроградъ или сонъ, навожденіе. Есть ли здѣсь быть, квартиры, дѣти, школы, больницы, лавки или только схемы улицъ, громады императорскихъ строеній, вода и въ горькомъ туманѣ контръ-революціонные сановники, члены всѣхъ комитетовъ, резолюціи на почти иностранномъ языкѣ, слова, бредъ, сонъ...

Потомъ зашелъ я къ комиссару Г., только что вернувшемуся съ фронта. Сидѣло у него человекъ пять. Г. обстоятельно рассказывалъ о Тарнополь, о Калушскомъ погромѣ. Слушали, но столь непостижны были эти слова, что иногда прерывали, желая и страшась достоверности:

— Такъ было?..

Потомъ говорили другіе, о томъ же говорили, о чемъ говорить нынѣ вся Россія: о прячущихъ деньги капиталистахъ, о неработающихъ рабочихъ, о не дающихъ хлѣбъ крестьянамъ, о невоющихъ солдатахъ. Разсказывали, какъ въ нѣкомъ армейскомъ комитетѣ обсуждались вопросы финансовой политики, а молодые люди изъ комитета продовольственнаго болѣе всего интересуются условиями мира безъ аннексий. Разсказывали, что Совѣты очень заняты теперь сложной работой—подготовкой празднованія полугодщины революціи. Говорили о голодѣ, распадѣ, злобѣ, о великомъ запустѣніи нашей земли. Потомъ замолчали, и послѣ долгаго нехорошаго молчанія Г. сказалъ:

— Вотъ также мы сидѣли въ пятомъ году въ Тифлисъ, а на слѣдующій день пріѣхалъ генераль Алихановъ—усмирять...

Вечеромъ въ одиннадцатъ часовъ пошелъ я, по приглашенію Б. В. Савинкова, въ Адмиралтейство. Долго ждалъ его въ высокой залѣ, разглядывая портреты адмираловъ въ парикахъ. А потомъ пришелъ встревоженный секретарь—Савинковъ не пріѣдетъ, зачѣмъ-то вызваны офицера въ походной формѣ въ Зимній Дворецъ. Что случилось? Поздно ночью въ недоумѣніи вышелъ я. Дворцовая площадь, пустынная и зловѣщая, была оцѣплена. Нашъ автомобиль заставили взять обходной путь.

— Это отъ большевиковъ,—сказалъ мой спутникъ.

На слѣдующее утро все было тихо въ городѣ, и ночная тревога показалась мнѣ недоразумѣніемъ. Съ кипой газетъ затворился я въ своемъ номерѣ. Читалъ, какъ въ «Новой Жизни» безчестили Корнилова, а въ «Живомъ Словѣ» измывались надъ Керенскимъ. Читалъ пожеланія, постановленія, резолюціи. Глядѣлъ на дымную Фонтанку и слушалъ, какъ въ

сосѣднемъ номерѣ томнымъ голосомъ бабенка «ждала лобзанья» и какъ кто-то бѣгалъ все время по коридору, шлепая туфлями. А когда подъ вечеръ вышелъ я на Невскій, мнѣ показалось, будто что-то случилось. Шептались о чемъ-то, останавливали, передавая нелѣпные слухи. Неужели правда? Нѣтъ—просто питерское навожденіе, и не хотѣлось ходить куда-то, спрашивать, узнавать...

Въ понедѣльникъ утромъ вышелъ я на Караванную. Мокрые склизкіе тротуары, обычные хвосты у булочныхъ, у молочной, сонные зѣваютъ прохожіе. Почему газеты—вѣдь понедѣльникъ?.. Крупный заголовокъ «Генераль Корниловъ...» — что дальше не видно.

— Позвольте взглянуть, — спрашиваю у одного чиновника съ «Петроградскимъ Листкомъ».

— Отстаньте!—Онъ злобно отвѣчаетъ и комкаетъ газетный листъ.

Читаю страшныя слова и смутно понимаю «потребовалъ передачи всей полноты власти»... И отъ роковой значительности этихъ строкъ на минуту зарождается недоумѣніе, жажда убѣдиться, не вымыселъ ли, не сонъ ли листъ газетной бумаги.

Не помню, что именно приключилось потомъ. Съ этой минуты вѣсти, слухи, страшныя ожиданія, томленіе охватили меня. Дни и бессонныя ночи, столь похожіе на дни, перепутались, смѣшались. Расскажу объ отдѣльныхъ минутахъ и встрѣчахъ, какъ онѣ запомнились, часто безсвязныя.

На Невскомъ у Садовой тѣснятъ, толкаютъ въ сторону, начинаютъ рвать за рукава газетчика съ вечерними телеграммами. Вокругъ толпы, и лишь хранящіе самообладаніе, по привычкѣ, становятся въ правильные хвосты. Много маленькихъ митинговъ, но молчаливыхъ. Всѣ стоятъ, ждуть, когда кто-нибудь скажетъ чаемое слово, но сами не скажутъ, еще не вѣрять, еще боятся. Рядомъ со мной ждуть трамвая двѣ барыньки, со свертками изъ Гостиного. Бесѣдуютъ.

— Онъ взялъ ужъ Лугу...

— Вы знаете, Марья Николаевна сказала, что онъ маленькой... а я думала высоко-о-кій.

— Ничего. Зато верхомъ... Прекрасень! (Ея голосъ, млѣя, становится шопотнымъ, глухимъ).

— Раньше всего повѣситъ всѣхъ этихъ собачьихъ депутатовъ... Представьте, какіе негодяи, вчера прихожу въ лавку, а мнѣ говорятъ—«товарищи» изъ продовольственнаго...

— Я бы хотѣла видѣть, какъ онъ вѣдетъ... Изъ кафэ Поляковой лучше всего... Я оттуда видѣла Керенскаго, когда хоронили казаковъ...

Въ газетахъ «Некрасовъ сказалъ—кровавое пролитіе неизбежно». А вотъ и новые бѣженцы изъ Гатчины, изъ Павловска. Говорятъ—слышали перестрѣлку «непріятель» приближается. «Они» уже въ Лугѣ. Идетъ бой. Вновь вспоминается какъ три года тому назадъ въ Парижѣ возлѣ Gare du Nord толпились ошалѣвшіе люди—«они уже въ Шантии» «они уже въ Санлисѣ»... Тамъ нѣмцы—здѣсь кто? свои? Нѣтъ, не можетъ быть. Сонъ, басня, ложь... Неужели тамъ, въ сорока верстахъ, русскіе уже стрѣляютъ въ русскіхъ?.. Иду по Невскому. Страшный вѣтеръ—то выглянетъ солнце, то хлещетъ дождь. А по Невскому, ничего не желая вѣдать, все планируютъ темныя дамы и рѣзвые военные...

Встрѣчаю N. русскаго офицера французской арміи, бывшаго эмигранта. Онъ рассказываетъ—хотятъ обо-

ронять Петроградъ, но развѣ можно надѣяться на мѣстный гарнизонъ. Сейчасъ X полку приказали выступить, но солдаты отказались:

— Утромъ поспѣемъ... въ такихъ сапогахъ, да еще ночью... не желаемъ...

Значитъ правда? И скоро томная дама встрѣтитъ «его» на Невскомъ?..

Въ военномъ министерствѣ тишина и заустѣнье. Въ приемной даже идиллическая сценка. Какая-то баба со стриженными волосами упорно мучаетъ дежурнаго офицера—молоденькаго розовенькаго прапорщика:

— Иприняли меня въ батальонъ смерти, и волосы сняли, и потомъ прихожу за чаемъ, а мнѣ говорятъ: «ты не солдатъ, потому медицинскаго свидѣтельства», и вскипѣло, и здѣсь я господинъ прапорщикъ, повременному уже—дневальному въ морду, и теперь прѣехала въ Петроградъ прямо къ Керенскому...

— Но Керенскій занятъ...

— Такъ я и не къ нему, а къ барынѣ, къ Керенской, въ кашевары, можемъ опредѣлиться, за кухарку пойду... Потому домой не могу—волосы обстригла, меня брать все равно убьетъ...

Въ Выборгскомъ кварталѣ съ виду тихо. Предлагаютъ записаться въ дружины, раздадутъ винтовки. Вспоминаю я, какъ Герценъ всю жизнь жалѣлъ, что въ июньскіе дни не взялъ винтовки у стараго рабочаго и не пошелъ на баррикаду. Неужели и насъ не минуетъ эта чаша? Я знаю, если здѣсь начнется бой, не будемъ думать, кто правъ, кто виновенъ. Придется взять тогда вотъ эту винтовку, и хоть корниловскія думы мнѣ ближе и понятнѣе бреда выборгскаго большевика—я знаю, я остаюсь здѣсь, по эту сторону...

Въ трамваѣ какой-то пожилой господинъ говоритъ:

— Корниловъ—порядокъ будетъ... Совѣты разгонитъ... всѣмъ жидамъ головы отрубятъ...

Изъ другого угла раздается голосъ злобный рабочаго:

— Вотъ скоро мы съ вами расправимся... кишку пустимъ...

Оба они сходятъ на одной остановкѣ и пропадаютъ въ темнотѣ. Мнѣ страшно, что тамъ въ ночи, быть можетъ, сейчасъ они откроютъ бой, котораго ждемъ мы всѣ каждое мгновенье.

У Г. встрѣчаюсь съ двумя грузинами-офицерами дикой дивизіи. Они сейчасъ ѣдутъ «туда». Ѣдутъ убѣждать своихъ соплеменниковъ не начинать междоусобной войны. Ѣдутъ, можетъ быть, на смерть. Керенскій и Савинковъ предупреждали ихъ—опасность велика. Но они бодры, они говорятъ о священныхъ правахъ гостя, о благородныхъ традиціяхъ, и все это такъ непохоже на происходящее кругомъ. Хочется тоже вѣрить, но трудно съ ними проститься...

А въ кафэ «Ампиръ» оркестръ играетъ танго, ни одного свободнаго столика. Веселятся. Какой-то солдатъ авиаторъ подходитъ ко мнѣ:

— Вы Жоржъ?

— Нѣтъ.

— Такъ кто вы?.. Словомъ, у васъ есть кокаинъ?..

Поздно ночью ѣду въ Смольный. Завывая дико, по пустырю пролетаетъ броневикъ. Въ коридорахъ бродятъ, сидятъ, спятъ солдаты. На всѣхъ лицахъ смятеніе. Изъ комнаты, надъ которой двѣ надписи «Классная дама» и «Фракція большевиковъ», выходитъ нѣкій молодой человекъ съ точеной бородкой и держитъ рѣчь. Его никто не слушаетъ, но онъ все

также точно и методически глагольствует. Доносится:

— Мы давно говорили... заговоръ подготовлялъ Бьюкэнэнъ, Савинковъ и Милюковъ...

И долго еще бубнилъ что-то о «международномъ заговорѣ капитала», а потомъ, будто сразу замѣтивъ пустоту вокругъ, скрывается въ покои классной дамы. Проходятъ два тщедушныхъ меньшевика и ведутъ бесѣду на стратегическія темы:

— Намѣрены дать сраженіе при...

— А дальнѣйшія орудія?..

Вылетаетъ рѣзвый, какъ мотылекъ, одинъ изъ бывшихъ министровъ. Выявляя какъ всегда чрезмѣрную жизнерадостность, что-то рассказываетъ онъ юной эс-эркѣ. А вокругъ дремлющія и бодрствующія фигуры ворочаются, тяжело дышатъ, изрѣдка обмѣниваясь вопросами:

— Что новаго?.. Говорятъ сдали Гатчину?

— А у васъ?.. Наша фракція обсуждаетъ вопросъ, какъ реагировать на выступленіе...

Выхожу. Снова солдаты, пустырь и воюющій броневикъ. У какой-то булочной уже выросъ въ ночи покорный безропотный хвостъ. Что завтра? Кто кого будетъ вѣшать? Корниловъ? Керенскій? Большевики?— все равно эти зябнущія, молчаливыя спины ждуть хлѣба насущнаго. Изъ какого-то кабарэ выходитъ партія гулякъ, и пьютъ изъ «боржомной» бутылки— только не «боржомъ». Безногій на самодѣльной машинкѣ, клянча у пустой улицы милостыню, проѣзжаетъ. При свѣтѣ фонаря афиши: «Празднованіе полугодщины революціи», «Любовь, въ ваннѣ», «Гибель наци—грандиозное зрѣлище».

Въ штабѣ тоже дремлютъ въ передней, прибѣгаютъ, убѣгаютъ. Слушаешь, и кажется, какой-то неприятель у вратъ Петрограда. Приѣхалъ Керенскій. Привезли велик. князя Михаила Александровича. Царить растерянность, суматоха, часто испугъ. Не терять самообладанія, стараюсь придать всему этому «дѣйствію» разумный характеръ Савинковъ—петроградскій генераль-губернаторъ. Но, тормозя его работу, являются «создать контактъ» какіе-то делегаты «Центрофлота», представители «Совѣтовъ» и другіе молодые люди.

Иные вбѣгаютъ крича:

— А броневики?..

— Почему вы сдали безъ боя Лугу?..

Все рассказанное произошло, кажется, въ теченіе двухъ дней. А потомъ настало утро, сѣрое питерское

утро, и сонъ началъ спадать. Приѣхали казаки и заявили, что противъ правительства не пойдутъ. Вернулись и грузины, которыхъ я видалъ передъ отъѣздомъ, всѣ они говорили о нежеланіи братской войны, объ обманѣ, лжи, недоразумѣніи. Потомъ сказалъ о недоразумѣніи Крымовъ и застрѣлился. Потомъ прочелъ я одинъ изъ листовъ Корнилова, гдѣ и онъ говорилъ о недоразумѣніи. Внѣшне все вошло въ свою колею—всякія фракціи Совѣтовъ выносили побѣдныя резолюціи, за минованіемъ опасности, Савинкова и Пальчинскаго отстранили, по городу дефилировали матросы. Невскій молчалъ, трусливо поджавъ хвостъ, а въ Выборгскомъ ликовали...

Дня два спустя я сидѣлъ у Б. В. Савинкова, читалъ юзограммы, большинство которыхъ теперь ужъ извѣстно по газетамъ, слушалъ его рассказъ о происшедшемъ. Чѣмъ больше зналъ—тѣмъ меньше понималъ. Кто виновенъ въ этомъ наводненіи? Не знаю, лишь радуюсь, что не случилось самого страшнаго, и предъ ликомъ врага не пролилась, въ междоусобіи, русская кровь. Но возможность этого предѣльнаго горя, кажется, никого не пробудила. По прежнему въ туманномъ Петербургѣ, на прямыхъ улицахъ, въ квадратныхъ домахъ, люди оскорбляли, уничтожали и готовили гибель своимъ братьямъ. По прежнему утромъ отравлялись ядовитымъ дыханьемъ газетъ, бездѣйствуя, цѣлые дни спорили о ненужномъ и засыпали, не умѣя отличить тяжелый сонъ отъ яви.

Когда я уѣзжалъ, Знаменская Площадь была завалена людьми и тюками. Вспомнилъ о «разгрузкѣ Петрограда», подумалъ—не выберусь. Давка, суета. Какая-то дама сѣла на грудного младенца, мать закричала:

— Товарищъ, и до чего вы не сознательны! Не видите, на что садитесь!..

И объѣвѣпились другъ въ друга. Но оказалось, что поѣзда отходятъ со свободными мѣстами, и все это приѣзжающіе въ Питеръ. Откуда? Зачѣмъ? Развѣ поймешь нынѣ что либо въ Россіи!

Когда утромъ, послѣ полусна и темныхъ мыслей о минувшей недѣлѣ, подошелъ я къ окну, сразу стало легче. Большая поля, и мелькнули, будто кровь точащія, березы. По дорогѣ шла баба съ корзиной и вѣтеръ трепалъ ея алый платокъ.

Что же было тамъ въ Петроградѣ? Или, можетъ быть, этого не было? Недоразумѣніе? Петербургское наводненіе? Сонъ?..

И. Эренбургъ.

СУДЬБА АРМІИ.

Статья прапорщ. Высоцкаго.

Думается, никогда еще, съ самаго начала нашей революціи, армія не находилась въ такомъ катастрофическомъ положеніи, какъ сейчасъ. Опытъ Тарнополя и Риги показалъ, что эта армія не только не боеспособна, но даже не управляема, что лицомъ къ лицу съ опасностью она превращается въ дикую толпу, теряющую малѣйшіе признаки организаціи.

Корниловское выступленіе опять внесло въ ея ряды вакханалію разрушительной пропаганды, армія опять стала объектомъ безудержной политической игры, опять тономъ собственника заговорили о ней крайнія лѣвыя партіи, опять появились у нея несчет-

ные опекуны, оберегающіе ее отъ «контръ-революціи» въ лицѣ команднаго состава и офицерства. И въ результатѣ къ прежнимъ горестнымъ фактамъ неслыханнаго развала и разрухи присоединились еще ужасы солдатскаго террора.

Казалось бы, моментъ такой, когда нужно бить тревогу, когда нужно мобилизовать всѣ силы, способная жизнь въ организмъ умирающей арміи, испробовать всѣ испытанныя и неиспытанныя средства, лишь бы предохранить армію отъ неизбежной смерти. Казалось бы, демократическое совѣщаніе въ Петроградѣ, какъ ни сильна въ немъ воля къ миру, передъ

лицомъ не только не устраненной, но все растущей угрозы окончательной гибели страны, удѣлить вопросу объ арміи наибольшую долю вниманія.

На самомъ же дѣлѣ, вопросъ этотъ, хотя и былъ затронутъ въ первую очередь, въ рѣчахъ Керенскаго и Верховскаго, но по существу онъ былъ обойденъ—и странно—обойденъ съ той же почтительной уклончивостью, съ которой и прежнее царское правительство умѣло обходить наиболее шекотливые вопросы.

Въ своихъ постоянныхъ шатаніяхъ—то вправо, то влево,—въ судорожныхъ поискахъ точки опоры, наше революціонное правительство всегда проявляло особенную неустойчивость именно въ вопросѣ о возсозданіи арміи и всецѣло переносило въ этотъ вопросъ свои шатанія. Передъ лицомъ демократическаго совѣщанія правительство оказалось на распутьи. Какъ его будущій составъ, такъ и его будущій курсъ, были въ сущности поставлены въ прямую зависимость отъ исхода этого совѣщанія. Было совершенно очевидно, что никакой программы, никакого курса у правительства сейчасъ нѣтъ, что отъ демократическаго совѣщанія оно само ждетъ толчка и направленія.

Въ такую же зависимость отъ настроенія демократическаго совѣщанія былъ заранѣе поставленъ Верховскимъ и вопросъ объ арміи. И въ его неопредѣленной, незначительной и сбивчивой рѣчи чувствовалось, что смѣна прежнихъ курсовъ и шатаній правительства по вопросу объ арміи заставляетъ его вращаться въ заколдованномъ кругу внутреннихъ противорѣчій, изъ котораго онъ не можетъ найти выхода.

Но положеніе министра было дѣйствительно затруднительнымъ. Послѣдній курсъ, принятый правительствомъ въ дѣлѣ реорганизации арміи: предполагаемое осуществленіе программы Корнилова. Не было никакихъ официальныхъ указаній на то, чтобы правительство отказалось отъ этой программы, поддержанной Савинковымъ, Филоненко и, насколько можно было думать, Керенскимъ. Но послѣ корниловскаго выступленія и передъ лицомъ совѣщанія, поднявшаго новое знамя борьбы съ «корниловщиной» во всѣхъ ея видахъ, Верховскій выступилъ съ защитой корниловской программы не рискнулъ. Даже больше, онъ самъ какъ бы сталъ подъ новое знамя:

— Корниловская эпопея,—заявилъ онъ,—вновь надорвала установившіяся въ арміи отношенія. Но въ чемъ же собственно кроется причина этого подрыва, объ этомъ военный министръ умолчалъ. А вѣдь именно здѣсь весь трагическій корень вопроса, здѣсь объясненіе того, что такое въ сущности «корниловская эпопея» и каково ея значеніе для арміи. Что же—она расколола армію на двѣ части, внесла въ ея ряды братоубійственную рознь, разоблачила офицерство, какъ контръ-революціонную касту? Этого не было. Ни армія, ни офицерство въ массѣ никакого участія въ «корниловскомъ заговорѣ» не принимали. Да мы даже не знаемъ еще, подлинно ли существовалъ Корниловъ-мятежникъ, Корниловъ-заговорщикъ, или здѣсь имѣло мѣсто, по выраженію Керенскаго—«роковое недоразумѣніе», сводившееся къ тому что Корниловъ дѣйствія свои считалъ прагматическими, вполне легальными и согласными со взглядами правительства. А между тѣмъ, какая-то темная легенда уже создалась, проползла въ армію, стала творить свое разрушительное дѣло и дѣйствительно подрывать установившіяся-было въ арміи отношенія. И если мы еще не знаемъ, имѣлъ ли мѣсто въ дѣйствительности

корниловскій заговоръ, то легенда о немъ оказалась уже загодя использованной, если не было Корнилова-мятежника то онъ былъ уже заблаговременно «выдуманъ», созданъ въ опредѣленныхъ политическихъ цѣляхъ.

Мы знаемъ, что еще въ тѣ дни, когда не было и рѣчи ни о какомъ корниловскомъ заговорѣ, предложенная Корниловымъ программа возсозданія арміи въ кругахъ революціонной демократіи, или по крайней мѣрѣ въ значительной ея части, сочувствіемъ не пользовалась. Круги эти, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», продолжали стоять на почвѣ «расширенія завоеваній революціи и распространенія ихъ на армію». Ни ужасы тарнопольскаго разгрома, ни предсказанное Корниловымъ паденіе Риги, не сдвинули демократію съ этой мертвой точки. Здѣсь получила блестящее подтвержденіе мысль, высказанная Маклаксвымъ на государственномъ совѣщаніи: органами революціонной демократіи, вмѣшивающіеся въ жизнь арміи, руководятъ совсѣмъ не соображенія дисциплины и боеспособности, а «соображенія политики, необходимость имѣть свою руку въ арміи, боязнь того, что безъ нихъ армія пойдетъ не тѣмъ политическимъ путемъ, которымъ ее хотѣли бы вести». Комиссары и комитеты въ глазахъ революціонной демократіи должны были прежде всего быть «проводниками революціонной политики» и всякое покушеніе на умаленіе ихъ власти и правъ разсматривалось, какъ актъ, направленный противъ вліянія демократіи, какъ попытка отнять у демократіи армію, ея собственность. И потому демократіи было не по пути съ Корниловымъ, который требовалъ прежде всего, чтобы армія была свободна отъ всякаго политическаго вліянія и занималась не политикой, а своимъ прямымъ дѣломъ—защитой страны. Наибольше крайняя часть демократіи видѣла даже въ Корниловѣ своего заклятаго врага, котораго необходимо было низвергнуть, ибо съ низверженіемъ Корнилова, какъ личности, какъ политическаго дѣятеля, она предполагала ниспровергнуть и всю его «контръ-революціонную» программу.

А между тѣмъ, если допустить даже, что Корниловъ дѣйствительно былъ мятежникъ, сдѣлавшій попытку вырвать у Временнаго Правительства власть, то вѣдь борьба за власть и практическія мѣры поднятія боеспособности арміи—плоскости совершенно разныя, и тѣ или другія качества личности Корнилова насколько не подрываютъ серьезности и важности мѣръ, предложенныхъ имъ для возсозданія арміи.

Вотъ это-то именно вопіющее противорѣчіе и обошлось молчаніемъ Верховскій. Онъ не обнаружилъ достаточной широты государственнаго пониманія, чтобы сразу отмежевать личность Корнилова отъ его идей. А между тѣмъ идеи эти незыблемы для тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ арміи реальную боевую, а не эфемерную политическую силу.

Ибо, если оставить въ сторонѣ предубѣжденіе, что предложенныя Корниловымъ мѣры контръ-революціонны уже потому, что онѣ предложены Корниловымъ, то мы увидимъ, что онѣ цѣликомъ построены на данныхъ военно-историческаго опыта, на которыхъ построена организація всѣхъ существующихъ армій міра.

Нисколько не отрицая цѣлесообразности института комиссаровъ и комитетовъ, Корниловъ требовалъ лишь, чтобы ихъ дѣятельность протекала «въ

«кругу интересов хозяйственного и внутреннего быта армии, безъ всякаго вмѣшательства въ область вопросовъ оперативныхъ, боевыхъ и выбора начальниковъ». Дисциплина, по его мнѣнію, должна быть утверждена путемъ предоставления соответственной власти офицерамъ и унтеръ-офицерамъ. И конечно, эти положенія никакимъ корниловскимъ выступленіемъ не поколеблены. Опытъ недолгаго существованія нашей революционной армии показалъ, что мечта объ арміи свободныхъ гражданъ, добровольно и безъ принужденія исполняющихъ долгъ защиты родины, мечта о дисциплинѣ, основанной на совѣсти и разумѣ русскаго народа—только далекая мечта. Путь полного духовнаго раскрѣпощенія арміи пока еще чуждъ массѣ, которую «столѣтіями держали въ темнотѣ и рабствѣ». Насильно вести армію по этому пути, сводить ее съ того пути, который повелительно указывается

ей исторіей—явное безуміе. Отрѣшиться отъ этой утопической мечты, вернуться на почву реального историческаго факта—вотъ къ чему призывалъ Корниловъ.

И если тѣмъ, въ чьи руки передана власть, дороги интересы Россіи, какъ государства, а не интересы отдѣльных ея классовъ и партій, то они не должны забывать, что въ настоящую минуту никакого другого пути поднятія боеспособности арміи нѣтъ, что передъ нею одинъ только путь—путь историческаго развитія, съ котораго она безразсудно была сведена и на который должна вернуться. И никакія соображенія никакой политики не властны прсизвольно двигать колесо исторіи въ ту или въ другую сторону: историческаго Неизида безпоощадна.

Прапорщ. В. Высокій.

СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

Записи С. Федорченко.

— Мой подвигъ такой. Лежали подъ самыми ихними загражденіями, и вылѣзти не могли четвертые сутки. А лежали ровно гады, сухого мѣста нѣтъ. Къ этому не притерпишься. А... поручикъ на проволокъ завязъ, какъ въ атаку шель. Сперва просилъ словами, по именамъ выкликалъ... Носа не высунуть, стрѣляютъ... А потомъ только стоналъ да вздыхалъ... Это такъ четверо-то сутокъ, и все живъ... Вотъ грѣхъ на Бога роптать, а скажешь тутъ, ддяча душу крѣпко держать, коли беречь-то ее не велѣно... Я не вытерпѣлъ, снялъ его... А донести не осилилъ, ранили. Тутъ атака, взяли свои...

— И виненъ не былъ. Рѣка у насъ по веснѣ пошла. Громъ идетъ... У насъ рѣка сурьезная, парходы ходятъ. Вотъ пошла рѣка, тронулась по раннему утру. А я въ баню на слободку ходилъ, иду назадъ, слабъ послѣ полка. Слышу, кричатъ. Смотрю, два мальченка съ ледка на ледокъ швыряются. А ледки, словно стружка на огнѣ, заворачиваются... Дяденька, пособи, родненькій, пособи... Ну какъ я пособию, коль свою душу беречь охота... Не пособишь... Тутъ народъ сбился, галдятъ—кричатъ, потонули мальченки...

— Мы мать любили, и никакого ей горя не хотѣли. Отецъ пьяница, изобьетъ ее, бывало, до красно. Богу я молился, поскорѣе вырасти. Постой, думаю, с... с..., узнаешь, каково маменьку за косы таскать. А выросъ,—запилъ... Сперва-то меня и отецъ, и маменька колачивали, а сдужѣлъ, отца набилъ, да грѣхъ такой, и до матери добрался... Вотъ те и заступникъ...

— Я на немъ мундиръ разстегнулъ, и портретъ дамы одной нашель... Вотъ онъ это и есть. Не только что красива, съ собой ношу... А жаль мнѣ ее, сироту горькую... Грѣлъ онъ ее сердцемъ-то, а теперь вотъ я ее жалѣть буду...

— Я очень красивый, бабы льнуть, что пчелки до цвѣтка. И я имъ не отказчикъ. Только все жду, что по другому будетъ. А то, что такое, ровно псы,

али коровы. Принюхались, и пара... Можетъ, что еще и будетъ, мнѣ двадцати трехъ нѣту... На что-нибудь и красота нужна... А то, что сахаръ въ чай...

— Одинъ другому говорить: тотъ, говорить, не человекъ, который Пушкина, да еще тамъ какихъ-то, не читывалъ... Ты подумай, чего такое загнулъ, а... Да никто ихъ, почитай, не читывалъ, а неужли мы не люди... Вотъ онъ и читалъ, а ничего въ емъ путнаго нѣту... Хилый тѣломъ и душа хилая. Бойтся, на себя и на людей злобится... Не человекъ, а сопля, вотъ те и Пушкинъ... А промежь насъ, чистые богатыри есть... Забыть ему не могу, избидѣлъ такъ...

— Девять день у меня послѣ пути оставалось... И съ первой минутки тоска брала, что скоро назадъ надо... Ни часочку радости не имѣлъ... Сердце отогрѣтъ боялся, горя ждалъ впереди большаго... Больше въ отпускъ не согласенъ, Богъ съ нимъ...

— Среди лѣсу крестъ, могила чья-то. Присѣлъ я, жути не чую... Полночью, за клубился туманъ подъ елями, поползъ туманъ по мнѣ холодомъ, взяла тоска сердце. Все горе свое вспомянулъ... Видно, тяжело померъ, что въ могилѣ среди лѣсу схороненъ... Много скорби принялъ знать, коль и мертвый тоску вокругъ сѣть...

— Я прежде коло саду ходилъ. И отецъ мой садовникъ, и дѣдушка тоже. Крѣпки садовники были. Дѣдъ, тотъ за границей саду-то обучался. И мать садовничья дочка. Всть, я оттого и нѣжный такой. Мы съ поконъ вѣковъ крови не видывали да на цвѣты радовались. А на войну-то только съ червями да съ жуками хаживали. Меня изъ сада-то выкорчевали, ровно грушу старую. Какой я воинъ?..

— Представлялъ онъ очень хорошо и казался умнѣй протчихъ простыхъ людей. А когда до дѣла дойдетъ, ни съ мѣста. Все расскажетъ, все придумаешь, и пѣсно, и сказку хорошо складывать могъ. А жилъ только чужимъ горбомъ. Такой, можетъ, гдѣ въ городу и приспособился бы. Тамъ и лѣнь, что рабочий день.

А деревня, она тебя за руки держать. Коли рукъ-то нѣтъ, не прокормишься...

— Что я дѣтей порченыхъ здѣсь перевидалъ! Жиденка одного, такъ забыть не могу. Почитай, въ часъ одинъ его солдатня кругомъ осиротила. И матку забили, отца повѣсили, сестру замучили, надругались. И остался этотъ, не больше какъ восьми годковъ, и съ имъ братишка грудной. Я его было поласковѣе, хлѣба даю, и по головкѣ норовлю погладить, а онъ взвизнулъ, ровно упырь какой, и съ тѣмъ голосомъ драла бѣжать черезъ что попало. Ужъ и съ глазъ сгинулъ, а долго еще слышать было, какъ верезжалъ по звѣрью, съ горя да сиротства.

— Будь баба добра да почестлива, на чужого мужика не завистлива, дѣтямъ matka заботливая, хозяйшка порядливая, до Господа Бога усердная, до мужа жена вѣрная...

— Ужъ ты женушка-веретенушка, вѣнцомъ вѣнчана, трудомъ верчена, мужикъ въ полѣ бьешь, горбомъ тружусь, ходи жена въ избѣ солнышкомъ, сору вымети, хлѣба выпечи, уму-разуму дѣтокъ выучи...

— Лѣса густые да древние, таки лѣса непроглядные, ровно не идешь сквозь нихъ, а только-то въ пѣснѣ старинной поется. Такой лѣсъ стоитъ, дороги въ немъ не торятся. Сила въ землѣ той великая, путину целовѣчью травой буйной заростить, сучьями завалить, и на самомъ на нужномъ на мѣстѣ ручей быстрой погонить. Въ лѣсу томъ жизнь чужая, не для ока целовѣчья, и нечисть есть...

— Иди-иди, шукай не жди, по душу по мирскую, Господа взыска, странный старый—съ нимъ малецъ малый, сѣдой да бѣлый—слѣпой да смѣлый, черезъ всяки зори—до синяго моря, до земли до краю—съ трудомъ да до раю, за хворыхъ за грѣшныхъ—изо тьмы кромѣшной, ходи странный по свѣту—зиму да лѣто...

— Батюшка, батюшка, прошу тебя, учи меня Христа ради... страшно мнѣ... смерти боюсь... Что

мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ... Приду я до раю, спросятъ, что сдѣлалъ добра... А я что сдѣлалъ,—ничего... Коль работалъ,—сердце злобой рвалъ, а отдыхалъ,—безъ просыпу спалъ...

— Маменька за всѣми нами послала, я съ фабрики пришелъ, и вотъ ея какія слова были: «живите, сынки, долго, и такъ живите, что бы никому вашъ вѣкъ долгимъ не показался»...

— Съ Машей у меня большое горе вышло теперь, на грѣхъ я домой ѣздилъ... Писалъ, что ѣду, а они не получили. Тридцать верстъ отъ чугулки, лошадь нанялъ, вечеромъ приѣхалъ. Окно свѣтлое. Гляжу, Марья сидитъ, и съ ей рядомъ какой-то чужой. А руку ей, между прочимъ, за пазуху засунулъ, и такъ спокойно сидитъ... Душа оторвалась, хочу разразить, а разумъ держать... Я въ окно стукъ... Она такъ спокойно встала, видно, всѣ ужъ знали, давно такіе порядки завелись. Къ окну подошла, рукою отъ лампы прикрылась, присмотрѣлась, да какъ задрожитъ... А у меня такая радость отъ ейнаго страху, ажъ тряусь весь... Отошла, на хахалю смотреть, глаза круглые, а дѣлать что—не знаетъ... Сказала, онъ бѣжать... А я ее смертнымъ боемъ билъ, да утормъ въ городъ уѣхалъ, всѣ деньги дѣвкамъ прожилъ...

— Эхъ, кого винить, кого грѣхомъ корить, кабы знать намъ то, кабы вѣдать, да не нѣмцы-то, не поганые, не австріецъ, болгаринъ,—продана душа, да никто целовѣкъ, не виненъ войнѣ, сама война съ того свѣта пришла, сама война и покончится...

— Долго ли я лежалъ, не знаю. Звѣзды, иди надо, я ползкомъ на горку выбираюсь. За горою, знаю, нѣмцы. Ракеты все слѣва, и то радъ. Ползу, слышу разговоръ ихній. Смотрѣть, ничега не видать... Только совсѣмъ близко огонь всполыхнулъ. Здоровый нѣмецъ машинку разжегъ, кофій варить... А духъ, Господи... Думаю, коли-бъ этаго, вотъ хорошо бы... Слюны полонъ ротъ... Я ползу, а онъ сидитъ, ждетъ кофю, на огонь засмотрѣлся... Смотри, смотри... Сзаду навалился, душить скоренько. Молча сдохъ, съ испугу видно... Я за кофій, пью, жгусь—тороплюсь... Выпилъ, машинку да каску съ собой унесъ...

ПИСЬМА СО СТОРОНЫ.

Статья Бориса Кремнева.

III.

Въ ночь на Юмъ-Кипуръ въ Тамбовѣ уличная чернь громила еврейскія лавки. Весь ужасъ и позоръ безстыднаго насилія былъ налицо въ дни медоваго мѣсяца Россійской Республики, когда она, казалось, должна была бы ликовать, утвердивъ публично свою торжественную связь съ новымъ свободнымъ порядкомъ.

Но и на сей разъ событія доказали намъ, что дѣло не въ республикѣ или монархіи, а въ томъ, какое содержаніе вкладывается народомъ въ политическія формы, создаваемая имъ. Форма всегда только форма, и думать, что провозглашеніе того или иного принципа гарантируетъ намъ его воплощеніе въ жизнь, по меньшей мѣрѣ легкомысленно.

Въ Россіи не республика, а самая дурная и дикая анархія, и громятъ Россію всѣ, кому не лѣнь. Я не обратилъ бы особаго вниманія на тамбовскіе погромы, если бы не одинъ зловѣщій и характернѣйшій эпизодъ, имѣвшій тамъ мѣсто и засвидѣтельствованный очевидцемъ, уполномоченнымъ еврейскаго комитета помощи жертвамъ войны, который прислалъ разительный и страшный документъ въ редакцію газеты «Единство».

Вотъ подлинныя слова этого необычайнаго документа: «Разгромлены всѣ еврейскіе магазины и много бѣженскихъ еврейскихъ лавокъ. Десятки семействъ совершенно разорены и остались безъ куска хлѣба... Дали знать Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, гдѣ происходило въ это время многолюдное собраніе. Членъ Совѣта объявилъ о начавшемся по-

громъ и прибавилъ, что посланъ эскадронъ кавалеріи для усмирення. Аудиторія заволновалась и послышались слова: *къ чему усмирять, пойдѣмъ подсоблять!* Попытки успокоить аудиторію и заняться выработкою мѣръ ни къ чему не привели. Далѣе слѣдуетъ знакомое описаніе ужасовъ и мерзостей погрома и очевидецъ прибавляетъ ту самую фразу, какую мы привыкли читать въ дни, когда Россія задыхалась при старомъ самодержавномъ порядкѣ: «Во время разгрома магазиновъ разъѣзжали конные патрули, наблюдая за происходящимъ и нисколько не препятствуя погромщикамъ».

Итакъ, не пора ли дать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ таится истинная контръ-революція и кто работаетъ сейчасъ на самую глухую, жестокую и мрачную реакцію? Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ пресловутая «гидра»—во Временномъ Комитетѣ Государственной Думы, въ Центральномъ Комитетѣ партіи Народной Свободы, въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», въ залѣ религиозно-философскаго общества, на страницахъ нашего «Народоправства» или въ совѣмъ иныхъ углахъ, гдѣ готовы крикнуть при какомъ угодно погромѣ: «Пойдемъ подсоблять!»

Незванные гости изъ Циммервальда шесть мѣсяцевъ подъ рядъ стараются убить въ народѣ живое и праведное чувство національнаго достоинства, но этого чувства убить въ немъ нельзя: его можно только изуродовать. И вотъ плоды этой гнусной провокаціи налицо.

Толпа громить евреевъ при благосклонномъ участіи тамбовскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Увѣрены ли господа демагоги, что городъ Тамбовъ—«единственный въ своемъ родѣ»? И понимаютъ ли они, что, опойвъ своимъ зельемъ темную толпу, они готовятъ сейчасъ самый подлый погромъ не только несчастныхъ еврейскихъ бѣженцевъ, но и той юной еще не осознавшей себя свободы, которая могла бы окрѣпнуть и вырасти въ возможной, но не осуществленной республике російской.

Во время великой французской революціи слова «контръ-революціонеръ» и «патріотъ» противопоставались, какъ несомѣстимыя, ибо французская нація была увѣрена, что она является носителемъ идеи свободы, равенства и братства, а наши клеветники

отождествили эти понятія: для нихъ «патріотизмъ» и «контръ-революція» одно и то же. Но эта ложь влечетъ за собою возмездіе. И господа интернационалисты будутъ свидѣтелями такой отвратительной національной нетерпимости, такого слѣпото антимитизма, такого шовинизма, какихъ не было на Руси никогда—даже при императорахъ нашихъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто, подъ вліяніемъ событій, разочаровался въ народѣ русскомъ, ибо увѣренъ, что международные авантюристы могутъ соблазнить, развратить и обмануть народъ на недолгій срокъ. Геній народа русскаго, народа поэтовъ и мудрецовъ, по прежнему незапятнанъ и свѣтелъ, но охмелѣвшая чернь—не народъ. И если позорно было страшиться самодержавной бюрократіи, не менѣе позорно лѣстить боязливо этой черни.

Уличные крики и угрозы демагоговъ не заглушаютъ голоса истинныхъ пародоправцевъ. Въ концѣ концовъ Россія услышитъ этотъ голосъ. Но когда? Не тогда ли, когда изъ великодержавной страны она станетъ воистину страной полуазіатской, которую будутъ европеизировать на свой ладъ прусскіе юнкера? Не тогда ли, когда нашимъ поэтамъ придется оплакивать ее, какъ невѣсту, лишенную чести? Не тогда ли, когда ея судьба будетъ подобна судьбѣ истерзанной Польши? Или въ самомъ дѣлѣ наши мнимые социалисты воображаютъ, что униженная, оскорбленная и разграбленная Россія осуществитъ величайшій социальный переворотъ и водворитъ на землѣ небывалый порядокъ, основанный на равенствѣ и справедливости? Неужели они не понимаютъ, что разгромъ Россіи повлечетъ за собою черную, какъ ночь, реакцію, и что не придется уже мечтать о национализаци или муниципализаци земли, ибо этого не допустить не только «железные законы исторіи», но самые прозаическіе наши кредиторы, съ которыми придется намъ расплачиваться нашимъ единственнымъ достояніемъ—землею.

Но какое дѣло до этого доморощеннымъ социалистамъ, забывшимъ азбуку своего собственнаго ученія? И не повторяютъ ли они безпечно и весело ту самую фразу, которую твердили придворные развратники до-революціонной Франціи: послѣ насъ хоть потопъ.

Борисъ Кремневъ.

БАРОМЕТРЪ РЕВОЛЮЦІИ.

[Статья проф. Л. Яснопольскаго.]

Проклятіе всякой революціи—въ томъ, что она разбиваетъ людей на два непримиримо враждебныхъ лагеря, утрачивающихъ всякую возможность взаимнаго пониманія и единого совмѣстнаго дѣйствія. Объективная оцѣнка событій и создаваемого ими положенія при такихъ условіяхъ затруднены до крайности.

Но существуетъ барометръ, который объективно регистрируетъ равнодѣйствующую стихійныхъ силъ, не подчиняющихся никакой сознательной человѣческой волѣ; барометръ, показанія котораго выражаются въ точно установленныхъ непререкаемыхъ цифровыхъ величинахъ. Мы разумѣемъ *движеніе курсовъ валюты и фондовъ*. Не касаясь вопроса во всей широтѣ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь кривую показаній этого барометра за все истекшее время русской революціи только для движенія *курса нашего*

рубля на двухъ крупнѣйшихъ міровыхъ биржахъ—въ Лондонѣ и Парижѣ¹⁾.

¹⁾ Источники нашихъ свѣдѣній—совершенно общедоступный. Это—ежедневные биржевые бюллетени «Торгово-Промышленной Газеты»—отмѣтки цѣны «чека на Петроградъ» въ Лондонѣ и Парижѣ. Какъ извѣстно, лондонскіе курсы выражаютъ стоимость 10, (т.-е. 10 фунтовъ стерлинговъ) въ рубляхъ. Стало быть чѣмъ *выше* цифры, т.-е. чѣмъ дороже фунты стерл., тѣмъ *ниже* цѣна рубля. Наоборотъ, парижская биржа отмѣчаетъ *цѣну 100 руб. во франкахъ*, и такимъ образомъ цѣна рубля *прямо* пропорциональна цифрамъ парижскаго биржевого бюллетеня. Для простоты мы опускаемъ на печатаемой нами ниже діаграммѣ низшіи курсы ежедневныхъ биржевыхъ отмѣтокъ и беремъ только высшіи (въ Парижѣ низшіи курсы за все послѣднее время отстаютъ отъ высшаго регулярно на 5 франковъ, въ Лондонѣ—значительно меньше, но неравномѣрно и лишь въ исключительные моменты разница между высшимъ и низшимъ курсомъ здѣсь достигаетъ значительныхъ размѣровъ) Эти случаи на діаграммѣ отмѣчены особо.

Она даст нам необычайно яркую картину.

Въ общихъ чертахъ цѣнность денежной единицы государства или его валюты повышается и падаетъ, во-1-хъ, подъ влияніемъ экономическихъ факторовъ, дѣйствующихъ, вообще говоря, болѣе медленно, но болѣе устойчиво, и, во-2-хъ, подъ влияніемъ политическихъ событій, дающихъ обычно гораздо болѣе быстрые и рѣзкіе, но менѣе устойчивые эффекты. Въ движеніи курса нашего рубля за все время войны въ ряду факторовъ перваго экономического порядка преобладающую роль играли и играютъ, естественно, два: 1) отрѣзанность Россіи отъ внѣшнихъ рынковъ, усугубляющая военный параличъ нашего экспорта, при неизбежности огромнаго военнаго импорта; 2) непомѣрные выпуски бумажныхъ денегъ или, иными словами, огромное увеличеніе *спроса* на товары со стороны государства, а черезъ его посредство и частныхъ лицъ и огромное созданное военнымъ истощеніемъ, государственной и социальной дезорганизаціей, сокращеніе производства и подвоза, т.-е. *предложенія* товаровъ. Эти двѣ основныхъ причины давили и давятъ на цѣнность нашего рубля различно на внутреннемъ и на внѣшнемъ рынкѣ, но одинаково тяжело, и въ возрастающей прогрессіи на томъ и на другомъ ¹⁾. Здѣсь намъ немислимо подробнѣе разбирать влияние этихъ чисто экономическихъ факторовъ во время революціи, хотя и они (въ особенности выпускъ бумажныхъ денегъ) тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ революционными событіями. Достаточно указать предѣлъ, до котораго они уронили курсъ рубля за время съ начала войны и *до начала* революціи.

До начала войны нашъ рубль, размѣнный на золото, не могъ отклоняться сколько-нибудь значительно отъ своей номинальной цѣнности. Такимъ образомъ до войны соотношеніе было таково:

Лондонъ 10 ф. ст. = 94,6 р. или 1 р. кр. = 100 к. зол.

Парижъ 100 р. = 266,7 фр. или 1 р. кр. = 100 к. зол.

Наканунѣ революціи (24 февраля—последняя биржевая отмѣтка):

Лондонъ 10 ф. ст. = 171 $\frac{1}{4}$ р. или 1 р. зол. = 55,2 к. зол.

Парижъ 100 р. = 157,5—162,5 фр. или 1 р. зол. = 59,1—60,9 коп. золотомъ ²⁾.

Такимъ образомъ до начала событій отмѣченныхъ на нашей диаграммѣ курсъ рубля на международномъ рынкѣ уже упалъ до 55—60 копѣекъ.

Эти же экономическіе факторы продолжали и продолжаютъ свою грозную работу и во время революціи, и въ особенности выпускъ бумажныхъ денегъ, за время революціи возросшій до предѣльныхъ размѣровъ. Цифры *средняго ежемѣсячнаго* выпуска бумажныхъ денегъ таковы:

1914 г. (мѣс. войны) 219 м. р. 1917 г. мартъ 1.031 м. р.

1915 г. 223 м. р. апрѣль 476 м. р.

1916 г. 290 м. р. май . . 729 м. р.

1917 г. (янв.—февр.) 423 м. р. июнь . . 869 м. р.

1917 г. (съ мар.-по 16 іюл.) 832 м. р. августъ 1.273 м. р.

¹⁾ Мы ограничиваемся здѣсь лишь международнымъ курсомъ рубля и не касаемся вопроса о паденіи цѣнности денегъ на внутреннемъ рынкѣ.

²⁾ Во Франціи цѣна рубля нѣсколько выше, чѣмъ въ Англіи, ибо неразмѣнные бумажные франки сами нѣсколько обезцѣнены. Въ Англіи формально нѣтъ неразмѣнныхъ денегъ и счетъ ведется прямо на золото.

Само собою разумѣется, что на производимой нами диаграммѣ влияние этихъ факторовъ отражается систематическимъ пониженіемъ нашей кривой цѣнности рубля. Мы не можемъ отдѣльно учесть этихъ влияній, но какъ сказано выше они должны дѣйствовать систематически и постоянно, и чѣмъ дальше тѣмъ сильнѣе. Въ концѣ-концовъ они являются основными и въ этомъ паденіи проявляется то, что можно назвать *«цѣной революціи»*.

Но на этомъ основномъ фонѣ развертывающаяся передъ нашими глазами трагедія русской революціи дѣлаетъ своеобразные узоры въ видѣ рѣзкихъ скачковъ цѣнностей рубля, непосредственно связанныхъ съ наиболѣе яркими политическими и военными событіями. Ихъ мы и хотимъ отмѣтить въ настоящей статьѣ.

Если взглянуть на нашу диаграмму, то на ней можно довольно опредѣленно отмѣтить 3 періода—три акта русской революционной драмы, и послѣдній изъ нихъ лишь начинаетъ развертываться: повидимому, мы стоимъ лишь въ началѣ его.

Эти періоды таковы:

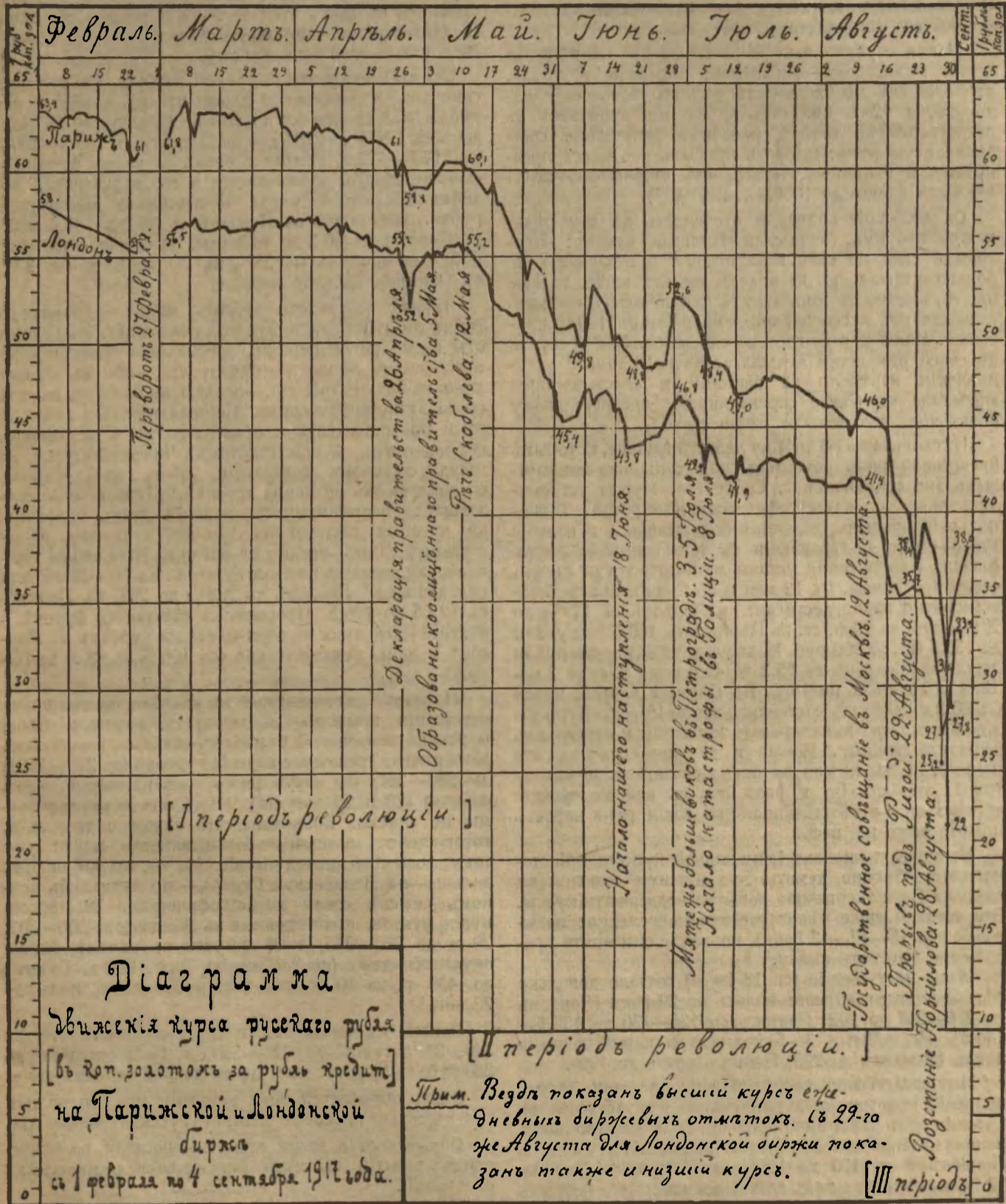
Первый—съ начала революціи и до 11—12 мая—періодъ, который мы могли бы назвать благоприятно-выжидательнымъ. Онъ совпадаетъ съ пребываніемъ у власти перваго революціоннаго министерства.

Въ послѣдніе мѣсяцы передъ революціей (мы отмѣтили на диаграммѣ движеніе курсовъ съ 1 февраля 1917 г.) мы можемъ наблюдать легкое и равномерное, такъ сказать нормальное, паденіе нашихъ курсовъ: въ Лондонѣ съ 163—165 до 171 $\frac{1}{4}$ руб. за 10 ф. ст., въ Парижѣ съ 164—169 до 157,5—162,5 фр. за 100 руб. Иными словами за этотъ мѣсяць нашъ рубль упалъ въ Лондонѣ и Парижѣ на 2—2 $\frac{1}{2}$ копѣйки. Переворотъ 27 февраля создаетъ перерывъ въ биржевыхъ отмѣткахъ, которыя вновь появляются лишь съ 3 марта и оказываются на нѣсколько высшемъ уровнѣ, чѣмъ до переворота: революція встрѣчена была общественнымъ мнѣніемъ нашихъ союзниковъ, какъ мы видимъ, благожелательно, и это благожелательно-выжидательное отношеніе стойко сохраняется, примѣрно, до первыхъ чиселъ апрѣля. Лишь съ этого времени мы замѣчаемъ, что курсы чуть трогаются внизъ. Но даже событія 20-21 апрѣля въ Петроградѣ нисколько не огразились на курсахъ, и если эти безпорядки, быть можетъ, и не дали побѣды правительству ¹⁾, то во всякомъ случаѣ еще не поселили на биржѣ и сомнѣній въ прочности положенія.

Первымъ тревожнымъ симптомомъ была декларация правительства 26 апрѣля (отечество въ опасности... творческій процессъ революціи не поспѣваетъ за ея разрушительными процессами) и мы видимъ рѣзкій скачекъ курса въ Лондонѣ, менѣе рѣзкій, съ перебоемъ, въ Парижѣ ²⁾. Однако влияние было мимолетно, и въ началѣ мая, когда послѣ отставки Гучкова (30 апрѣля) и Милюкова (3 мая) сформировалось (5 мая) новое коалиціонное министерство, курсы вновь выправились до прежняго уровня, нѣсколько болѣе низкаго, чѣмъ въ началѣ революціи: благожелательно выжидательный періодъ еще не былъ изжитъ,—онъ продолжился до выясненія политики новаго министерства, первыхъ ея шаговъ. Эти шаги

¹⁾ Мнѣніе П. Н. Милюкова въ его рѣчи на московскомъ совѣщаніи.

²⁾ Лондонская биржа, менѣе подчиненная влияніямъ внѣшняго регулированія, реагируетъ вообще болѣе сильно.

были совершены 11 и 12 мая, и съ этого момента мы переходимъ въ новый періодъ движенія курсовъ—періодъ, совпадающій по времени съ эпохой второго—«коалиціоннаго» министерства съ фактическимъ господствомъ его социалистическаго крыла.

11 мая опубликовано было сообщеніе о совѣщаніи трехъ министровъ—финансовъ, торговли и труда, признавшемъ необходимость рѣзкаго пвышенія налоговъ, а 12-го министр Скобелевъ произнесъ въ петроградскомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ свою знаменитую рѣчь: «забрать прибыль изъ кассъ предприятий и банковъ»... «увеличить ставки обложенія имущаго класса до 100%»... и т. д. ¹⁾

Съ большой похвалой отозвалась на эту рѣчь, между прочимъ, ленинская «Правда», именно: «программа сама по себѣ великолѣпна и совпадаетъ съ большевистской, но въ одномъ пунктѣ идетъ дальше нашей, именно въ томъ пунктѣ гдѣ обѣщаетъ «забрать прибыль изъ кассъ банковъ» въ размѣрѣ 100% прибыли». Наша партія гораздо скромнѣе. Она требуетъ въ своей резолюции меньшаго, именно: только установленія контроля за банками и «постепеннаго» «перехода къ болѣе справедливому прогрессивному обложенію доходовъ и имущества» ²⁾.

Нѣсколько иную оцѣнку дали тѣ группы, которымъ предстояла роль объектовъ для социальна-финансовыхъ экспериментовъ г. Скобелева. Курсы устремились внизъ съ катастрофическою быстротой. Тарнопольскій прорывъ, возстаніе большевиковъ и паденіе Риги—ничто въ сравненіи съ тою паникой, какую создала возвѣщенная устами министра труда финансовая программа. Съ 12 мая и по 2 іюня курсы, безостановочно падая, достигли: въ Лондонѣ съ 171³/₈ до 208¹/₂ руб. за 10 ф. ст. въ Парижѣ съ 160,5 они упали до 135,5 фр. за 100 руб. Иначе говоря цѣнность рубля дошла въ Лондонѣ съ 55,2 до 45,4 коп., т.-е. за 3 недѣли понизилась на 18%. Въ Парижѣ паденіе курса (съ 60,2 до 50,8 коп.) составляло около 15¹/₂%. «Буржуазія» бросилась ликвидировать капиталы и переводить деньги за границу. Можно и должно осуждать эту панику, но мы имѣли бы право сказать г. министру труда: это—стихія, и разъ вы съ ней не можете справиться,—отвѣтственность за ваши рѣчи падаетъ прежде всего на васъ.

Въ первыхъ числахъ іюня паденіе курсовъ пріостановилось. Можно думать, что нашими союзниками сдѣлана была энергичная попытка поддержать курсы. Это создало даже нѣкоторое кратковременное пвышеніе ихъ (5—10—12 іюня), но далѣе они опять продолжали тяготѣть книзу.

Наше наступленіе (съ 18 іюня) создало довольно рѣзкій подъемъ курсовъ вплоть по 29 іюня (Лондонъ съ 216—217 до 202, Парижъ съ 125—130 до 135,5—140,5). Но событія 3—5 іюля дали новый скачекъ внизъ (Лондонъ до 223, Парижъ опять до 130).

Непосредственно послѣдовавшій за ними Тарнопольскій прорывъ со всѣми ужасами катастрофы въ Галиціи далъ дальнѣйшій толчекъ, однако небольшой и лишь кратковременный (курсы пали съ 217 до 225¹/₂ въ Лондонѣ и съ 130 до 125¹/₂ въ Парижѣ). Уже съ 12 іюля, вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстій о первыхъ признакахъ оздоровленія военной политики прави-

тельства, о рѣшимости суровой борьбы съ разваломъ, курсы выправились и въ такомъ видѣ держались до самого московскаго совѣщанія, лишь нѣсколько спустившись въ 20-хъ числахъ іюля, вѣроятно, въ связи съ длительнымъ министерскимъ кризисомъ (а можетъ быть и внѣ этой зависимости).

Этимъ заканчивается второй періодъ. Съ рѣзкими скачками, по наклонной плоскости онъ довелъ курсъ рубля за 3 мѣсяца (съ 11 мая по 11 августа) въ Лондонѣ съ 171³/₈ до 228¹/₄, а въ Парижѣ съ 155,5—160,5 до 117,5—122,5. Иными словами за время второго—«коалиціоннаго» министерства и его дальнѣйшей модификаціи послѣ ухода «кадетскихъ» министровъ рубль нашъ упалъ въ Лондонѣ съ 55,2 до 41,4 коп., въ Парижѣ съ 60,2 до 46,0 коп. За три мѣсяца цѣна рубля понизилась на 25% въ Лондонѣ, и на 23% въ Парижѣ. Паденіе грозное.

Таковы результаты второго, полнаго драматическихъ событій періода русской революціи. Въ отличіе отъ него третій періодъ, начавшійся московскимъ совѣщаніемъ можно по началу его,—ибо мы стоимъ лишь въ началѣ событій,—назвать въ полномъ смыслѣ слова катастрофическимъ. Полная грознаго значенія рѣчи представителей и правительства, и верховнаго командованія, и общественныхъ представителей на государственномъ совѣщаніи, рѣчи, въ которыхъ слышалась вся до конца грозная правда и ярко сказавшаяся непримиримость позицій двухъ половинъ, на которыя раскололись русскія активныя общественныя силы,—все это не могло не отразиться тяжкимъ ухудшеніемъ нашихъ курсовъ. Къ 19—21 августа они дошли въ Лондонѣ съ 228¹/₄ до 269, въ Парижѣ съ 122,5 до 106,5. Прорывъ на сѣверномъ фронтѣ и паденіе Риги вовсе не отразились на курсахъ въ Лондонѣ и лишь незначительно (съ 106,5 до 98,5) въ Парижѣ.

Но новый, несравнимый ни съ чѣмъ за все время революціи прыжокъ въ пропасть, испытали наши курсы на лондонской биржѣ въ связи съ возстаніемъ Корнилова. Тревожное паденіе курсовъ (до 278—279 и до 280—281) мы наблюдаемъ уже наканунѣ этихъ событій (25 и 26 августа). Чѣмъ оно объясняется—мы не знаемъ. Возможно, что слухи о какомъ-то готовящемся «возстаніи большевиковъ» могли уже тогда возымѣть свое дѣйствіе. Но то, что мы видимъ далѣе—на Лондонской биржѣ,—это паника въ полномъ смыслѣ слова катастрофическая. 28 августа курсъ фунтовъ стерл. дошелъ въ Лондонѣ до 300—302, 29-го до 350—375, а 30 августа въ началѣ биржи опустился даже (по сообщенію Торг. Пром. Газеты) до 430 р. за 10 ф. ст., т.-е. рубль нашъ палъ до 22 коп.!

Однако къ концу биржи онъ выправился уже до 340, 31 августа—до 320—330, а 1—2 сентября до 285 руб. за 10 ф. ст., т.-е. снова до 33,2 коп. золотомъ.

Здѣсь обрывается пока недолгая еще, но полная трагическаго интереса исторія русской революціи.

Обрывается и наша кривая—проекція политическихъ событій въ міръ финансово-экономическихъ отношеній.

Мы не станемъ дѣлать никакихъ выводовъ—они достаточно ясны. Ограничимся поэтому въ заключеніе лишь одною—такъ же безъ всякихъ комментариевъ историческою параллелью.

¹⁾ Цитируемъ дословно по «Рус. Вѣдомостямъ».

²⁾ Цитируемъ по «Финансовой Газетѣ» № отъ 17 мая 1917 г.

Русская революция.

Количество кредитных билетов в обращении. (Миллионов руб.).	Высший курс рубля Лондонъ. (1 руб. кред. = коп. зол.).
1914 г. 16 июля 1.633	99,3
1915 г. 1 января 3.031	82,2
1916 г. 1 января 5.622	58,6
1917 г. 1 января 9.097	57,8
» 1 марта 9.950	56,5 ¹⁾
» 1 сентября 15.398	33,2 ²⁾

Французская революция.

Количество ассигнати в обращении. (Миллионов франковъ).	Курсъ въ % нариц. цѣны.
1789 г. 1 августа нѣтъ	98
1790 г. 1 января свѣд.	96
1791 г. 1 января ній.	91
» 1 июня 912	85
1792 г. 22 сентября 1.972	72
1793 г. 1 января 2.826	51
1794 г. 1 мая 5.891	34
1795 г. 1 января 7.229	18
» 1 апрѣля 8.327	10,71
» 1 октября 17.879	1,36
1793 г. 1 января 27.565	0,52 ³⁾
» 7 сентября 45.879	0

¹⁾ 4 марта. ²⁾ 2 сентября. ³⁾ 1 декабря 1795 г.

Суждено ли таблицѣ французской революци быть прообразомъ не доведенной еще до конца таблицы революци русской—мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что кривая нашей диаграммы—это кривая пульса тяжко больного, быть можетъ, находящагося въ агоніи организма нашей родины.

Пока существуетъ современный экономическій строй, до тѣхъ поръ показанія этого «буржуазнаго» барометра—вопросъ жизни и смерти и для революци, и—что гораздо больше—быть можетъ, для самого государства.

Какова бы ни была стихійная сила «революціонныхъ демократическихъ массъ»—основная организационная жизненная сила капиталистическаго строя—сила денежная—остаеся и останется въ рукахъ «буржуазіи». Только безуміе или близкое къ нему состояніе можетъ не считаться съ этимъ.

И мы хотѣли бы, чтобы на стѣнѣ той залы, гдѣ засѣдаютъ и еще будутъ засѣдать «полномочные представители русской революціонной демократіи» чья либо рука изобразила предъ ихъ глазами эту прозаическую кривую, изломы которой таятъ въ себѣ не менѣе роковой силы, чѣмъ тѣ огненные письма, какія нѣкогда начертала таинственная рука на стѣнѣ дворца древняго персидскаго деспота.

Проф. Л. Яснопольскій.

ПРИНЦИПЪ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЪ ПРЕДСТОЯЩЕЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМѢ.

Статья проф. М. Н. Соболева.

Поставленная въ Россіи на очередь грандіозная аграрная реформа можетъ осуществляться только въ рамкахъ существующаго экономическаго строя. Что мы не въ состояніи перепрыгнуть сразу въ царство социализма, это признаютъ всѣ вожди социалистическихъ партій. Въ экономической жизни исторія не знаетъ такихъ скачковъ, и потому русская аграрная реформа можетъ быть только социальной реформой, но не социальной революціей.

Это положеніе опредѣляетъ какъ рамки, такъ и общее направленіе аграрной реформы. Въ данной статьѣ мы хотѣли бы коснуться одного изъ принциповъ, который долженъ быть положенъ въ основу реформы, именно въ силу неизбежности для реформаторовъ считаться съ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ покоится существующій хозяйственный порядокъ. Мы говоримъ о принципѣ частной собственности.

Собственность частныхъ лицъ на средства производства и на продукты потребленія есть, конечно, историческая категорія, другими словами, она сложилась постепенно историческимъ путемъ и является не болѣе, какъ опредѣленной ступенью историческаго развитія. Мы знаемъ древнѣйшіе періоды хозяйственнаго быта, когда частная собственность совершенно отсутствовала и когда существовала собственность родовая или общинная. Развитіе личности и обогащеніе ея хозяйственныхъ интересовъ изъ круга общинно-родовыхъ интересовъ повели къ тому, что стала постепенно вырабатываться идея частной собственности. Постепенно это начало вытѣснило собой

всѣ элементы общественной собственности, и къ началу XIX столѣтія мы имѣемъ сложившійся строй капиталистическаго хозяйства, который покоится всецѣло на частной собственности и личной инициативѣ и отвѣтственности.

Цѣльми поколѣніями современное человѣчество воспитывалось на этихъ началахъ и впитало ихъ въ плоть и кровь всей своей хозяйственной дѣятельности. Хозяйствующій человѣкъ знаетъ, что онъ можетъ въ своей жизни разсчитывать и надѣяться только на себя, всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти въ свою частную собственность наибольшее количество цѣнностей. Богатство, какъ совокупность большого количества цѣнностей, является конечной цѣлью хозяйственной дѣятельности всѣхъ людей современности, за немногими исключениями. Воплощеніе хозяйственныхъ цѣлей рисуется всѣмъ современнымъ людямъ въ формѣ накопленія собственности какъ на капиталъ, такъ и на предметы потребленія. Собственность на пріобрѣтенныя цѣнности является альфой и омегой всего экономическаго уклада современности притомъ не только для буржуазіи, владѣющей главными массами капитала, но и для пролетаріата, точно также стремящагося въ условіяхъ существующаго строя къ пріобрѣтенію въ собственность наибольшаго количества цѣнностей.

Конечно, экономическій строй, покоящійся на началѣ частной собственности, не есть послѣдняя стадія въ развитіи общественнаго хозяйства. Передъ нами рисуется въ будущемъ превращеніе капиталистическаго строя въ строй социалистическій, въ ко-

торомъ частная собственность на капиталъ будетъ замѣнена общественной собственностью съ сохраненіемъ однако частной собственности на продукты личного потребления. Возможно, что въ еще болѣе отдаленномъ будущемъ социалистическій строй превратится въ коммунистическій съ совершеннымъ устраненіемъ всякой частной собственности и созданиемъ общественаго потребительскаго хозяйства. Поэтому мы не можемъ быть защитниками принципа частной собственности, какъ непреложной категории, цѣлесообразной и разумной для всѣхъ временъ и народовъ. Мы разсматриваемъ эту собственность, какъ явление преходящее, историческое, но тѣмъ не менѣе на извѣстной исторической стадіи неизбежное и необходимое. Частная собственность и является душой существующаго капиталистическаго строя, живой до тѣхъ поръ, пока онъ существуетъ.

Всякая социально-экономическая реформа должна оставаться въ рамкахъ основъ существующаго хозяйственнаго строя и вынуждена считаться, если ея авторы разсчитываютъ на реальное осуществленіе своихъ плановъ, какъ съ сохраненіемъ права собственности частныхъ лицъ, такъ и съ обезпеченіемъ личной инициативы и предприимчивости.

Съ этой точки зрѣнія мы и хотимъ подойти къ той грандіозной реформѣ, которая намѣчается въ освобожденной Россіи въ области аграрныхъ отношеній. Эта точка зрѣнія диктуется намъ не какими бы то ни было партійными программами и лозунгами, но объективнымъ анализомъ хода мирового экономическаго развитія.

Идея собственности играетъ роль въ аграрной реформѣ въ двухъ моментахъ: въ вопросѣ объ отчужденіи частновладѣльческихъ земель и въ вопросѣ о формѣ землепользованія тѣми участками, которые будутъ переданы въ распоряженіе нуждающагося крестьянскаго населенія.

Крайнія лѣвыя партіи проектируютъ конфискацію земель отъ прежнихъ частныхъ собственниковъ, т.-е. безвозмездное и принудительное ихъ отчужденіе, съ тѣмъ, чтобы образовавшійся такимъ путемъ земельный фондъ былъ распределенъ между нуждающимися въ землѣ трудящимися классами.

Такой проектъ есть прежде всего отрицаніе реформаторскаго характера всей земельной операціи, есть революціонный актъ. Онъ въ корнѣ отвергаетъ существующее право частной собственности на землю и хочетъ насильственнымъ образомъ лишитъ настоящихъ собственниковъ земли ихъ недвижимой собственности. Если въ одно и то же время сохраняются всѣ остальные виды частной собственности, какъ то: на дома, промышленныя предприятия, машины, денежные капиталы, товары, то конфискація одной земли (притомъ, согласно программъ большинства социалистическихъ партій, только земли сельскохозяйственнаго назначенія) представляется одностороннимъ одіознымъ актомъ, не имѣющимъ никакого общественнаго оправданія.

Признавая необходимымъ въ социально-экономическихъ цѣляхъ расширеніе трудового земледѣльческаго хозяйства за счетъ нетрудового, мы имѣемъ только одинъ способъ осуществленія этого плана—отчужденіе земли нетрудового характера за выкупъ, который возвращалъ бы собственникамъ ихъ собственность въ формѣ другихъ цѣнностей.

Такъ какъ невозможно построить аграрную реформу, удовлетворяющую широкіе слои крестьянскаго населенія, на началахъ добровольнаго отчужденія, выдвигается идея принудительнаго отчужденія за выкупъ. Могутъ указать, что принципъ принудительности противорѣчитъ указываемой нами необходимости считаться съ правомъ частной собственности, такъ какъ онъ является его отрицаніемъ. Но мы никогда не говорили, что частная собственность есть «священная», абсолютно неприкосновенная собственность. Какъ всякій другой институтъ современнаго общества, она подчиняется ограниченіямъ во имя интересовъ цѣлаго. Существуютъ многообразныя формы этихъ ограниченій, напр., въ пользованіи собственностью; такъ, запрещается устраивать на нѣкоторыхъ категорияхъ земли фабрики и заводы, запрещается выпускать вредные воды и газы, запрещается устраивать окна въ домахъ, выходящихъ на чужую землю и пр. Уже давно введенъ институтъ принудительнаго отчужденія земли для проведенія желѣзныхъ дорогъ и для другихъ общественныхъ сооруженій. Принудительное отчужденіе земли для передачи ея въ хозяйственное пользованіе трудовыхъ классовъ будетъ отрицаніемъ принципа собственности только въ томъ случаѣ, если это отчужденіе будетъ произведено безвозмездно. При вознагражденіи же собственника за отчуждаемую землю денежной цѣнностью, вѣдь самая собственность за ея прежнимъ владѣльцемъ не отрицается, измѣняется лишь форма, внѣшній видъ собственности.

Принудительное отчужденіе за выкупъ, не посягая на самую земельную собственность и притомъ такъ явно односторонне, не можетъ вызвать никакихъ возраженій и рѣзкихъ протестовъ со стороны собственниковъ. Наоборотъ, какъ мы можемъ наблюдать, этотъ способъ достаточно удовлетворяетъ землевладѣльцевъ, которыхъ вся аграрная реформа задѣваетъ чрезвычайно чувствительно, отнимая отъ нихъ землю, на которой они привыкли жить и вести хозяйство. Такимъ образомъ, только этотъ способъ гарантируетъ спокойное и безболѣзненное прохожденіе аграрной реформы, именно потому, что здѣсь самая идея собственности не оказывается задѣтой.

Другой пунктъ аграрной реформы, связанный съ вопросомъ о частной собственности, касается тѣхъ формъ землепользованія и землевладѣнія, на основѣ которыхъ земля будетъ передана трудящимся классамъ.

Почти всѣ проекты реформы предусматриваютъ предоставленіе земли крестьянамъ въ болѣе или менѣе длительное пользованіе съ тѣмъ, чтобы она оставалась въ собственности публично-правовыхъ органовъ. Проектъ партіи народной свободы желаетъ оставить земельный фондъ въ собственности государства съ тѣмъ, чтобы выдѣляемые изъ него участки предоставлялись крестьянамъ въ «постоянное (безсрочное) пользованіе». Соціалъ-демократическая партія предполагаетъ передачу земель «крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, объединяющимъ городскіе и сельскіе округа»—очевидно, передачу въ собственность, которая давала бы этимъ органамъ право распоряженія землей, трудящіеся же получаютъ землю изъ этого фонда только въ пользованіе. Народно-социалистическая партія говоритъ о «націонализациі

земли», или объ обращении земли въ «общенародную собственность»; граждане получают надѣленіе землей только въ пользованіе, при чемъ это пользованіе носитъ постоянный характеръ—до тѣхъ поръ, пока лицо обрабатываетъ свой участокъ. Наконецъ, социалисты-революционеры считаютъ необходимымъ сохранить всю землю въ собственности всего народа съ тѣмъ, что за трудящимися классами сохраняется только «пользованіе» землей; это пользованіе носитъ уравни- тельный характеръ и является временнымъ—землей лицо пользуется до тѣхъ поръ, пока оно ее обрабаты- ваетъ.

Всѣ эти проекты отказываются отъ мысли переда- вать изъ образованнаго земельного фонда участки крестьянамъ въ собственность и ограничиваются пере- дачей ихъ въ пользованіе. Главнымъ мотивомъ этого является опасеніе, что земля, переданная въ соб- ственность, легко можетъ быть ея собственникомъ продана въ другія руки, и такимъ образомъ аграрная реформа, имѣвшая цѣлью обезпечить трудящіеся классы земель, окажется безрезультатной. Однако эта опасность можетъ быть предотвращена другими способами. Въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки выработывались мѣры, обезпечивающія за семьей земледѣльца владѣніе участкомъ земли, необходимымъ для существованія. Такова идея американскихъ гомстэдовъ и германскихъ неотчуждаемыхъ земельныхъ участковъ. Съ другой стороны возможно установить законодательнымъ пу- темъ ограниченіе права скупки земель въ однѣ руки и тѣмъ уничтожить главную опасность для будущ- ности аграрной реформы—возрожденіе крупнаго землевладѣнія. Продажа же земельного участка въ руки новаго владѣльца, такого же трудового крестья- нина, какъ и прежній собственникъ, не вызываетъ ни- какихъ возраженій и не ведетъ ни къ какимъ нежела- тельнымъ социально-экономическимъ послѣдствіямъ.

Итакъ, возникаетъ вопросъ, правильно ли рѣшаютъ паши партіи вопросъ о формѣ владѣнія крестьянъ надѣляемыми участками, оставляя за ними только пользованіе. Мы полагаемъ, что вся исторія земель- ныхъ отношеній на земномъ шарѣ свидѣтельствуетъ о неизбѣжности предоставленія надѣловъ въ полную частную собственность.

Прежде всего къ этому приводитъ насъ исторія зе- мельной общины во всѣхъ странахъ Западной Европы. Въ общинѣ члены ея точно также пользовались землей только временно, отъ передѣла къ передѣлу. Но процессъ разложенія общины и состоялъ въ томъ, что съ теченіемъ времени сроки передѣловъ удлинялись и въ концѣ концовъ самые передѣлы исчезли совер- шенно изъ практики, а за временными владѣльцами надѣльныхъ участковъ эти послѣдніе были закрѣплены уже въ неотчуждаемое владѣніе. Отсюда былъ сдѣланъ только одинъ шагъ—община была объявлена офици- ально уничтоженной, а всѣ постоянные владѣльцы отдѣльныхъ участковъ были признаны ихъ частными собственниками. Таковъ процессъ эволюціи общины въ частную собственность въ Западной Европѣ въ XVIII и XIX столѣтіи, такое же теченіе вещей на- чалось и въ Россіи со времени Столыпинской реформы землеустройства.

На всемъ пространствѣ земного шара мы конста- тируемъ господство въ настоящее время частной собственности на землю. Такова форма землевладѣнія,

въ которую эволюционировали земельныя отношенія при капиталистическомъ строѣ. Послѣдній придалъ землѣ характеръ капитала, характеръ цѣнности, обусловленной недостаткомъ земли по сравнению съ наличнымъ на нее спросомъ. Хотя земля и не создана человѣческимъ трудомъ, но ея «рѣдкость» (по термино- логии Рикардо) создала ей мѣновую цѣнность, иногда весьма высокую.

Принадлежность земли въ собственность придаетъ владѣльцу наибольшую хозяйственную энергию при ея обработкѣ. Сознаніе того, что земля и всѣ ея плоды принадлежать въ собственность хозяйствующему лицу, создаетъ у него максимумъ интенсивности труда и максимумъ предприимчивости. Хозяинъ земли знаетъ, что каждый атомъ труда, вложенный въ его землю, принесетъ ему въ будущемъ удесятеренный доходъ, что всѣ его затраты, скажемъ, въ видѣ прочныхъ зе- мельныхъ улучшеній (оросительныхъ или осушитель- ныхъ работъ, облѣсенія и пр.), въ видѣ удобреній, построекъ и т. д., сохранятся въ его неотъемлемомъ обладаніи и будутъ переданы его потомкамъ. Забота объ обезпеченіи потомковъ играетъ большую роль въ направленіи хозяйственной дѣятельности современ- наго человѣка и въ его мотивахъ. Зная, что каждый можетъ разсчитывать только на себя и на свои силы, отецъ стремится создать для своихъ дѣтей экономи- ческую обстановку, облегчающую имъ борьбу за хо- зяйственное существованіе. Отсюда естественное стре- мленіе къ накопленію цѣнностей для потомства, къ созданію наиболѣе прочныхъ источниковъ существо- ванія. Принципъ собственности и является юриди- ческой гарантіей въ томъ, что всѣ плоды трудовъ и усилій старшаго поколѣнія неукоснительно перей- дутъ въ руки слѣдующаго поколѣнія.

Изъ широкаго опыта и наблюденій надъ формами землепользованія и землевладѣнія экономисты давно вывели заключеніе, что временное владѣніе землей не даетъ максимума трудовой энергии, прилагаемой къ землѣ. Земледѣлецъ, зная, что земля находится у него временно, никогда не будетъ вкладывать въ нее такой трудъ и такія улучшенія, въ экономической реализа- ции которыхъ онъ не увѣренъ. Съ другой стороны, предвидя, что земельный участокъ скоро уйдетъ изъ рукъ, земледѣлецъ къ концу періода владѣнія имъ часто начинаетъ хищнически расточать его есте- ственныя богатства и тѣмъ приводитъ его въ упадокъ и разореніе.

Только обладаніе землей въ собственность, въ условіяхъ современнаго хозяйственнаго строя и го- сподствующихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельно- сти, можетъ побуждать человѣка къ затратѣ всѣхъ силъ и средствъ, на какія онъ способенъ. И русскій крестьянинъ не является исключеніемъ изъ этого правила. И онъ стихійно стремится къ полному и законченному господству надъ той площадью земли, которая ему достается. И онъ мыслитъ для себя наиболѣе желательной формой обладанія землей собственностью. Тѣ резолюціи, которыя въ такомъ изобиліи расточались крестьянскими съѣздами по- слѣднихъ мѣсяцевъ и которыя говорили объ устано- вленіи общенароднаго владѣнія землей и уравнитель- наго землепользованія, принимались безъ надлежа- щаго уясненія сущности указанныхъ формулъ. При болѣе подробномъ анализѣ оказывалось, что крестьяне имѣли въ виду главнымъ образомъ полученіе земли за счетъ частновладѣльческой площади, но разсчи-

тывали на надѣленіе земли въ неотъемлемое и вѣчное обладаніе.

Творцы аграрной реформы въ Россіи должны считаться какъ съ міровой эволюціей земельныхъ отношеній, такъ и съ значеніемъ хозяйственныхъ мотивовъ при обработкѣ земли и потому должны положить въ

основу аграрнаго строительства начало частной собственности на землю, а не арендную форму или общинные распорядки. Этому требуетъ задача развитія производительныхъ силъ, поставленная въ Россіи войной.

М. Н. Соболевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Демократическое совѣщаніе.

«Демократическое совѣщаніе» не дало тѣхъ результатовъ, на которые рассчитывали его инициаторы, не создало никакого новаго этапа въ развитіи политическихъ и общественныхъ отношеній. Ждали усиленія крайнихъ стремленій, торжества большевизма, новаго курса. Ждали паденія коалиціи и остались при коалиціи. Созывалось демократическое совѣщаніе подъ знакомъ большевизма. Послѣ корниловской исторіи большевики подняли голову. Подъ напоромъ большевизма социалистическія организаціи потребовали невключенія въ составъ Временнаго Правительства ни представителей торгово-промышленнаго класса, ни членовъ партіи Народной Свободы. Создалось теченіе въ пользу созданія однороднаго социалистическаго министерства, разрыва коалиціи съ элементами, которыхъ социалисты называютъ «цензовыми» и «буржуазными». Предполагалось, что курсъ дѣятельности такого министерства будетъ инымъ, чѣмъ до той поры, что онъ явится осуществленіемъ социалистической программы. Рѣчь заходила тогда о гораздо болѣе углубленной и расширенной социалистической программѣ, чѣмъ та, какая была изложена въ извѣстной деклараціи Чхеидзе. Вѣдь, тогда умѣренныя социалистическія теченія склонялись къ большевизму, а всякая сдержанность и осторожность почитались «контръ-революционными» свойствами. Въ такихъ условіяхъ явилась мысль о созывѣ «демократическаго совѣщанія». Формированіе правительства было властно остановлено, чтобы, какъ сказалъ Церетелли, «органы организованной демократіи въ лицѣ представителей ея выступили и сказали свое слово объ организаціи и составѣ власти».

Демократическое совѣщаніе собралось и сказало «свое слово», цѣлый потокъ словъ. Нѣсколько дней продолжался этотъ потокъ рѣчей, уже неоднократно высказанныхъ мыслей, призывовъ, уговоровъ, требованій. Политическіи митингъ явилъ все ему присущее: обычную фразеологию, доктринерское упорство, склонность къ схоластическимъ формуламъ, и ни одной, какъ сказалъ участникъ совѣщанія О. С. Мицноръ, блестящей, новой творческой мысли. Это было торжество фразы надъ дѣломъ. И если съ внѣшней стороны совѣщаніе закончилось, послѣ долгихъ неудачъ при голосованіи, принятіемъ нѣкоторыхъ постановленій, которыя формально вносятъ измѣненія въ порядокъ образованія министерства и въ направленіе его дѣятельности, то по существу оно явило одно лишь безсиліе, такъ какъ его постановленія лишены реальнаго значенія.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и острыхъ вопросовъ, которые предстояло разобрать демократическому совѣщанію, былъ вопросъ о коалиціонномъ правительствѣ. Вокругъ этого вопроса сосредоточивались всѣ пренія. Предстоялъ полный пересмотръ

бывшаго ранѣе по этому вопросу рѣшенія, отказъ отъ коалиціи и переходъ къ однородному социалистическому министерству. Того требовалъ большевизмъ, претендующій на «высшую форму концентрации революціонной энергіи». Пересмотръ долженъ былъ совершаться въ сторону всяческаго усиленія «революціонной энергіи». Между тѣмъ оказалось, что большинство прибывшихъ на совѣщаніе представителей организованной демократіи, кооперативовъ, земствъ, городовъ чуждо максималистскихъ устремленій, не на сторонѣ утопизма, склонно къ сотрудничеству и единенію на реально осуществимой программѣ. Побѣдила идея коалиціи. Противники коалиціоннаго министерства остались въ меньшинствѣ. Въ этомъ отношеніи демократическое совѣщаніе сказало то же, что ранѣе было высказано на московскомъ государственномъ совѣщаніи.

Новаго сказано ничего не было. Но, такъ какъ на этомъ вопросѣ большевизмъ давалъ бой умѣреннымъ теченіямъ, то происходившія пренія привлекли къ себѣ вниманіе. Противъ большевизма выступали не теоретики, а люди жизни и опыта. «Безъ коалиціи,—говорилъ на совѣщаніи представитель кооперативовъ г. Беркенгеймъ,—безъ дружныхъ усилій всѣхъ жизненныхъ силъ страны нѣтъ возможности спасенія родины. Наша революція есть революція буржуазная. Ея задача—совершить всѣ тѣ демократическія и социальныя реформы, которыя присущи буржуазному строю. Хотимъ мы этого или не хотимъ, но буржуазія явится классомъ, которому будетъ принадлежать власть по непреложнымъ физическимъ законамъ исторіи и социологіи. Нельзя революціонно уничтожить буржуазію, торговлю и промышленность. Онѣ являются кровеносной силой, на которой построено все кровообращеніе народнаго организма». По существу на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и «вождь русской революціи» И. Г. Церетелли. Онъ признаетъ неосуществимой максималистскую программу, полагаетъ, что социалистическое министерство не въ состояніи дать массамъ то, что обѣщаетъ максимализмъ, и высказывается за коалицію, какъ основную директиву русской революціи. Столь же рѣшительно высказались за коалицію бывшіе министры-социалисты. «Утопическія мечтанія,—сказалъ М. И. Скобелевъ,—ставятъ на карту всѣ наши реальныя чаянія. Каждый лишній день войны ставить роковой вопросъ: быть ли странѣ или исторія подписала ей смертный приговоръ. Нашъ хозяйственный организмъ расползся до того, что является опасностью, что силы внутренняго сцѣпленія могутъ быть нарушены и всякая возможность возстановить и слѣпить ихъ можетъ быть исчерпана. Въ такой моментъ, во имя дальнѣйшаго развитія революціи, необходимо напрячь всѣ силы, которыя заинтересованы въ созданіи буржуазно-хозяйственнаго орга-

низма». Бывший министр-социалист А. С. Зарудный находить невозможным в срок до созыва Учредительного Собрания проведение программы 14 августа. «Развѣ можно провести въ одинъ мѣсяцъ аграрный законъ и контроль надъ промышленностью—говорить Зарудный. Кто знакомъ съ законодательной техникой, тотъ знаетъ, что приступить къ исполнению этой программы крайне трудно. Для коалиціоннаго министерства необходимо соглашеніе членовъ его на извѣстной минимальной платформѣ, которую оно обязуется выполнить». Министръ-социалист А. В. Пѣшеховъ защищалъ представителей партии Народной Свободы, бывшихъ въ составѣ министерства, отъ обвиненія въ «саботажѣ», въ сочувствіи корниловскому движению и пр. Хлѣбная монополія и высокое финансовое обложеніе проведены при кадетахъ и ими единственно. «Существуютъ двѣ программы,—сказалъ А. В. Пѣшеховъ,—одна программа, это—программа групповыхъ притязаній, классовыхъ и національныхъ, другая программа—это ограниченія и жертвы ради спасенія государства, и на этотъ послѣдній путь необходимо вступить».

По другимъ организационнымъ вопросамъ демократическое совѣщаніе послѣ продолжительныхъ прений признало, что Временное Правительство должно быть подотчетно и отвѣтственно передъ особымъ органомъ, «демократическимъ совѣтомъ», выдѣленнымъ изъ всѣхъ группъ и фракцій «демократическаго совѣщанія» на основѣ пропорциональности и пополненнымъ делегатами отъ буржуазныхъ группъ, въ случаѣ привлеченія въ составъ правительства цензовыхъ элементовъ. Въ органѣ этомъ предустановлено преобладаніе демократическихъ элементовъ. Временное Правительство должно осуществлять программу 14 августа.

Таковы постановленія демократическаго совѣщанія. Приняты они не единогласно. Наоборотъ, при ихъ обсужденіи и голосованіи обнаружился полный разбросъ демократическихъ теченій, отсутствіе ихъ единства даже по основнымъ вопросамъ. Это обстоятельство лишаетъ рѣшенія демократическаго совѣщанія всякаго авторитета. Это обнаружилось немедленно. Большевики уже стали на путь отрицанія «демократическаго совѣщанія». На заключительномъ засѣданіи Рязановъ отъ фракціи большевиковъ заявилъ, что «демократическое совѣщаніе не можетъ быть выразителемъ истиннаго мнѣнія и интересовъ революціонной демократіи», что образованный «предпарламентъ» является лишь «новой крѣпостью соглашательства» и что для выраженія дѣйствительной воли «революціонной демократіи» они созываютъ съѣздъ совѣтовъ р., с. и кр. депутатовъ, который долженъ организовать «истинно революціонную власть» путемъ передачи ее совѣтамъ. Въ этомъ духѣ принята резолюція петроградскимъ совѣтомъ. На расхожденіе во взглядахъ демократическихъ группъ указалъ при закрытіи совѣщанія и его президіумъ. «Расхожденіе не изжито въ нашей работѣ,—сказалъ Войтинскій,—съ этого совѣщанія мы увеземъ съ собой ту же самую тревогу, которую привезли». Это звучитъ, какъ аккордъ похороннаго марша, и раздался онъ въ моментъ закрытія совѣщанія. Въ этомъ заявленіи—подведеніе итога работъ совѣщанія, результатъ обмѣна рѣчей и мнѣній,

которыхъ было много, но которыя дали для дѣла очень мало. Знаменательны оказались слова, сказанныя Скобелевымъ въ началѣ совѣщанія: «Кончился не только медовый мѣсяцъ и полоса романтики, но, повидимому, заканчивается и второй фазисъ—творческой поры молодой демократіи въ области разрѣшенія практическихъ задачъ». Итоги совѣщанія не могутъ разсѣять такой пессимизмъ.

Достигнуто ли что-нибудь положительное совѣщаніемъ? Демократическаго единенія не создано. Большевизмъ, хотя и потерпѣлъ пораженіе на совѣщаніи, но онъ остался дѣйственной величиной и угрожаетъ вести свою линію вопреки всякимъ постановленіямъ демократическаго совѣщанія. Для Временнаго Правительства демократическое совѣщаніе не создало никакой твердой почвы, солиднаго демократическаго фундамента. Поскольку сила и значеніе правительственной власти зависятъ отъ ея коалиціоннаго устройства, этотъ базисъ существовалъ и ранѣе. Можно ли считать его теперь болѣе укрѣпленнымъ, чѣмъ раньше? Онъ былъ подвергнутъ обсужденію и успѣшно прошелъ черезъ горнило такого испытанія. Быть можетъ, это дастъ нѣсколько новыхъ шансовъ коалиціи. Но дѣйственное значеніе имѣютъ не слова и резолюціи, а жизнь, а какой слѣдъ оставить въ жизни демократическое совѣщаніе?

Съ другой стороны, демократическое совѣщаніе наоборотъ, создало неблагоприятныя условія для коалиціи. Это уже обнаружилось на совѣщаніи о реорганизации правительственной власти. Принципъ твердой и сильной власти не мирится съ подотчетнымъ и отвѣтственнымъ положеніемъ Временнаго Правительства передъ вновь созданнымъ учрежденіемъ, авторитетъ и значеніе котораго весьма сомнительны. Въдѣ, большинство участниковъ демократическаго совѣщанія (большевики—по однимъ основаніямъ, кооператоры—по другимъ) откровенно говорило, что данное совѣщаніе не отражаетъ воли всей демократіи, не правомочно представлять даже ее одну, не говоря уже про всю страну, и все-таки устанавливается отвѣтственность правительства передъ органомъ, выдѣленнымъ такимъ неправильнымъ собраніемъ. Противъ установленія такой отвѣтственности высказываются не только представители цензовыхъ элементовъ и члены партии Народной Свободы, но и министр-предсѣдатель А. Ф. Керенскій. Другое препятствіе образованію коалиціоннаго правительства заключается въ требованіи, чтобы правительство было организовано на почвѣ принятія программы 14 августа, оглашенной отъ имени демократическихъ организаци на московскомъ государственномъ совѣщаніи. Создается ненормальное положеніе: одна сторона должна цѣликомъ принять программу другой стороны. Между тѣмъ коалиція можетъ строиться только на общей программѣ, выработанной и принятой по соглашенію обѣими сторонами. Къ этому прибавляется еще то, что требованіе осуществленія программы 14 августа лишено практическаго значенія: такой обширной программы осуществить въ короткіи срокъ до созыва Учредительнаго Собранія нельзя. А Россія охвачена анархіей. Всюду тревоги за завтрашній день, голодные бунты, мятежи...

Н. Иорданскіи.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ.

Факты и настроенія

Съ 18-го августа началось избраніе должностныхъ лицъ Собора и, прежде всего, президіума—предсѣдателя-епископа и его товарищей: двухъ епископовъ, двухъ пресвитеровъ и двухъ мирянъ.

Предсѣдателемъ Собора избранъ (407 изб. и 33 неизб.) митрополитъ московскій Тихонъ. Члены Собора встрѣтили избраніе лѣннемъ аксіось-достоинъ. Владыка, облаченный въ мантию, вышелъ изъ алтаря храма, къ которому примыкаетъ залъ соборныхъ засѣданій, и обратился къ членамъ Собора съ рѣчью. Благодаря за высокую честь, оказанную ему Соборомъ, архипастырь, выражалъ надежду, что въ возложенномъ на него святомъ и ответственномъ дѣлѣ ему поможетъ Богъ всесильною благодатью, помогутъ и члены Собора мудрымъ содѣйствіемъ. Владыка заранѣе просилъ извиненія за промахи и ошибки, естественные у него, какъ человѣка, перегруженнаго трудами въ новой для него епархіи и къ тому же впервые предсѣдательствующаго въ столь большомъ собраніи. Въ заключеніе рѣчи архипастырь предложилъ избрать почетнымъ предсѣдателемъ Собора первосвященника, митрополита кievскаго Владиміра. Затѣмъ Соборъ возгласилъ многолѣтне митрополиту Тихону, который отвѣтилъ многолѣтнемъ членамъ Собора. На вечернемъ засѣданіи 18-го августа были избраны товарищи предсѣдателя: архіепископъ новгородскій Арсеній (404 изб. и 31 неизб.), архіепископъ харьковскій Антоній (285 изб. и 150 неизб.), протопресвитеръ Большаго Успенскаго собора въ Москвѣ Н. А. Любимовъ, протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства Г. І. Шавельскій, предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко (380 изб. и 23 неизб.) и кн. Е. Н. Трубицынъ (388 изб. и 15 неизб.). На слѣдующій день были избраны: секретарь—членъ Государственной Думы В. П. Шеннъ (большинствомъ 326 противъ 93) и два его помощника—управляющій канцеляріею Св. Синода П. В. Гурьевъ и проф. В. П. Бенешевичъ.

При выборахъ членовъ президіума обнаружилось, что единство, необходимое Собору, если онъ хочетъ быть соборомъ, а не съѣздомъ, необходимое церкви и родинѣ, гибнущей отъ раздѣленія, едва ли будетъ достигнуто легкимъ путемъ: въ сущности Соборъ еще не приступалъ къ работѣ, и нѣкоторые члены его уже предсказываютъ ему самую печальную будущность, и говорятъ это открыто, въ печати. Собственно миру соборному грозитъ опасность отъ раздѣленія между двумя опредѣленно намѣчающимися течениями: правымъ, съ большинствомъ, по самому умѣренному счету, епископата во главѣ, и—лѣвымъ, руководимымъ преимущественно членами Собора отъ высшихъ учебныхъ заведеній, исключая, кажется, представителей Казанской Духовной Академіи. Количественное соотношеніе между этими двумя группами, которыми, видимо, на Соборѣ предстоитъ рѣшающая роль, вполне еще не опредѣлилось и, конечно, можетъ измѣниться въ ту или другую сторону, но пока типичнѣйшей группой не ниже 280, а максимумъ второй не выше 240 голосовъ. Вторая группа досталась Собору по наслѣдству отъ Всероссийскаго Съѣзда духовенства и мірянъ. Съѣздъ этотъ называли «преддверіемъ Собора». Но многимъ казалось, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, что въ преддверіе это не были допущены епископы въ соответствии ихъ удѣльному вѣсу и значенію: епископатъ на съѣздѣ былъ представленъ крайне слабо, чтобы не сказать болѣе. Между тѣмъ проекты церковныхъ реформъ, принятые съѣздомъ, самымъ существеннымъ образомъ затрагивали административныя права епископовъ въ смыслѣ наиболѣе возможнаго ихъ ограниченія. Эта борьба на съѣздѣ съ такъ наз. «самодержавіемъ епископовъ» вызвала со стороны послѣднихъ дружный и нельзя сказать чтобы безрезультатный отпоръ: между прочимъ по разработанному на предсоборномъ Совѣтѣ Уставу Помѣстнаго Собора епископы-члены послѣдняго составляютъ на Соборѣ особое «совѣщаніе», которое и является высшей соборной инстанціей. Затѣмъ, помимо всякихъ расчетовъ, епископатъ, котораго почти не было видно и слышно на съѣздѣ, на торжественномъ открытіи собора (15-го и 16-го) предсталъ предъ членами послѣдняго величавымъ сонмомъ, со всѣмъ присущимъ ему литургическимъ и архипастырскимъ авторитетомъ. Изъ Успенскаго Собора и Храма Спасителя члены Собора вынесли въ помянутые дни яркія и сильныя, для многихъ неизгладимыя, впечатлѣнія. Эти впечатлѣнія подчеркнули коренную связь епископата съ эстетикой церковнаго быта и мистикой литургическихъ переживаній,—двѣ чертъ, особенно цѣнныя и дорогія православному русскому народу. Нельзя забывать и о тѣсной связи епископата съ монастырями, при

всѣхъ ихъ недостаткахъ, имѣющими неотъемлемое глубокое влияние на народную массу въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Представители лѣваго течения, именуящие себя одни «группой церковнаго возрожденія», а другіе «группой церковнаго обновленія», въ опредѣляющемъ ихъ позицію вопросѣ объ отношеніи къ епископату стоятъ на точкѣ зрѣнія, противоположной Уставу. Они признаютъ за епископами особые права и преимущества только въ области чисто пастырскихъ отношеній. Отдавая отъ церкви извѣстную давившую ее руку государства, они, въ соотвѣтствіи съ этимъ, стремятся и внутри церковно-административныхъ отношеній парализовать тяжелую десницу епископскаго усмотрѣнія; ихъ воображеніе заигипотизировано традиционнымъ образомъ епископа—самодержавнаго владыки.

Вотъ сомнѣнія, что при взаимныхъ уступкахъ возможно соглашеніе между представителями этихъ двухъ теченій. Задачу такого соглашенія беретъ на себя, разнородная по составу и пока немногочисленная, группа членовъ Собора, называющая себя группой «соборнаго единенія»: ревниво оберегая во всѣхъ областяхъ церковной жизни присущій епископату, авторитетъ, группа въ то же время признаетъ крайнюю необходимость переустройства этой жизни на началахъ соборности «въ соотвѣтствіи со словомъ Божиимъ и канонами». Но, вѣдь, и каждое течение на Соборѣ не можетъ не считать для себя обязательнымъ такое соотвѣтствіе... Вся бѣда въ томъ, что Собору суждено вести работу среди раскаленной атмосферы нашихъ дней,—среди суживающей кругозоръ партійной вражды и ненависти, среди принижующихъ духъ докучливыхъ и все болѣе обостряющихся заботъ о кускѣ хлѣба, о кровѣ, о простой гражданской безопасности, которыя—кто знаетъ?!—могутъ прервать и дѣятельность Собора. Къ сожалѣнію партійность уже сказывается на взаимоотношеніяхъ членовъ Собора правой и лѣвой сторонъ. Не только въ кулуарахъ и частныхъ совѣщаніяхъ, но и на страницахъ газетъ ведется полемика, которой недостаетъ иногда простой корректности,—не говоримъ уже о Христовой любви. Недовольная «умѣреннымъ» составомъ большинства президіума, лѣвая группа всю силу партійныхъ опасеній сосредоточиваетъ на почетномъ предсѣдателѣ, митрополитѣ Владимірѣ, на секретарѣ В. П. Шеннѣ и особенно на личности архіепископа Антонія. Одно присутствіе этихъ лицъ въ президіумѣ кажется достаточнымъ основаніемъ для опасеній, что «однбокий соборъ» стаятъ на скользкій путь церковной реакціи, даль сильнѣйшій кренъ направо, который грозитъ перевернуть и потопить церковный корабль въ волнахъ бушующаго моря. Выборы членовъ въ совѣтъ Собора нѣсколько умѣрили силу столь мрачныхъ предположеній, въ совѣтъ прошли кандидаты прогрессивной группы: митрополитъ Тифлискій Платонъ (372 изб. 59 неизб.), проф.-протоиерей А. П. Рождественскій (242 изб. и 192 неизб.) и проф. П. П. Кудрявцевъ—(235 изб. и 198 неизб.). Еще менѣе сдержана въ партійныхъ сужденіяхъ правая сторона, если дѣйствительно выраженіемъ ея мнѣній служатъ статьи о Соборѣ, идущія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Справедливость требуетъ сказать, что открытая попытка къ прекращенію такого, далекаго отъ идеи соборности, положенія вещей, вышла изъ среды епископата. Въ засѣданіи 21-го августа еп. тамбовскій Кириллъ выступилъ со слѣдующимъ внѣочереднымъ заявленіемъ: «Среди членовъ Собора какъ будто исчезаетъ согласіе. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя газеты опредѣленно говорятъ, что среди Собора укрѣпляются разныя теченія, что образовалась будто бы группа черносотенцевъ, руководимая архіепископами Антоніемъ, Арсеніемъ и Кирилломъ. Вынуждаемся заявить, что на Соборѣ лѣтъ и не было ни черной, ни красной сотни. Мы всѣ пришли для одного дѣла. Будемъ относиться другъ къ другу съ любовью и довѣріемъ».—Хочется вѣрить что этотъ призывъ найдетъ откликъ, что, вспомоществуемый благодатью Божіею, Соборъ, во имя вѣчнаго и пребывающаго поднимется надъ временнымъ и преходящимъ, что въ любви къ церкви и родинѣ онъ найдетъ силы для такого подвига и, минуя крайнія мнѣнія, пойдетъ по вѣрному среднему пути общецерковнаго сознанія.

27-го августа члены Собора совершили паломничество въ Троицкую Лавру къ мощамъ преп. Сергія. Въ 8 часовъ утра для членовъ Собора на Ярославскій вокзалъ былъ поданъ экстренный поѣздъ. Въ особомъ вагонѣ находились святыни Успенскаго Собора, предъ которыми во время пути совершалось молебствіе. На станціи Сергіево паломниковъ встрѣтилъ крестный ходъ. Въ предшествіи святынь члены Собора двинулись къ Лаврѣ; во все время пути не прерывалось общее церковное пѣніе. У воротъ Лавры паломниковъ ожидалъ крестный ходъ

во главѣ съ предсѣдателемъ Собора, митрополитомъ московскимъ Тихономъ. Особой торжественностью отличалась литургия въ Троицкомъ соборѣ, которую совершили митрополитъ кievскій Владиміръ, московскій Тихонъ и архіеп. ярославскій Агаоангелъ. Во время запричастнаго инспекторъ академіи архимандритъ Иларіонъ обратился къ членамъ Собора съ одушевленнымъ словомъ: выяснивъ историческое значение прец. Сергія, какъ благодатнаго воспитателя русскаго народа въ страшное время татарщины, указавъ на заслуги обители передъ русскою землей въ смутную годину, проповѣдникъ отмѣтилъ причины смуты нашихъ дней въ двухъ грѣхахъ петербургскаго періода нашей исторіи—забвении народа и порабощении церкви. Нужно возвратиться на исконные національные пути исторической жизни, нужно вернуть церкви отнятое у нея украшение (т. е. патриарха). При этомъ подвигъ національнаго возрожденія должно ободрять себя мыслью, что жива еще народная душа; не угасли въ ней вѣра и стремленіе къ святости и правдѣ. Объ этомъ неложно свидѣлствуютъ тысячи паломниковъ, притекающихъ къ мощамъ игумена всероссійскаго. Послѣ литургии и молебствія пр. Сергію, всѣмъ членамъ Собора, была предложена скромная монастырская трапеза.

Насколько торжественно и многолюдно было паломничество членовъ Собора въ Сергіеву Лавру, настолько, къ сожалѣнію,

блѣдно и малочисленно было паломничество (29 августа) на Братское кладбище для панихиды по павшимъ воинамъ: изъ членовъ Собора на кладбищѣ едва ли присутствовало и 100 человекъ.

30 и 31 августа Соборъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ обсуждалъ текущія событія. Не только доступъ въ залъ строго оберегался, но даже къ членамъ Собора была обращена просьба ничего не сообщать корреспондентамъ. Предъ началомъ засѣданія 31-го митрополитъ Тихонъ совершилъ молебенъ о предотвращеніи междоусобной брани. Затѣмъ рѣшено было отправить Временному Правительству слѣдующую телеграмму:

«Совершивъ Господу Богу моленіе ибъ избавленіи нашего отечества отъ междоусобной брани, Помѣстный Всероссійскій Церковный Соборъ твердо вѣрить, что внутренняя распря вызвана небывало скорбными событіями въ жизни нашей дорогой родины, а посему Соборъ отъ имени всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи, во имя Божіе и Христовой любви къ ближнему, призываетъ побѣдителей щадить жизнь побѣжденному, ибо никакой кровавой мести не должно быть въ настоящей тяжкой междоусобицѣ».

Особой комиссіи поручено составленіе соответствующаго переживаемому моменту соборнаго постановленія.

Б. Гречевъ.

УРОКЪ НАДО УЧЕСТЬ.

Письмо съ фронта.

Дѣло Корнилова, слава Богу, заканчивается и, будемъ надѣяться, что больше такихъ неудачныхъ попытокъ, въ арміи не будетъ. Выступленіе Корнилова, какъ ни безусловно было его требованіе создать боеспособную армію и установить порядокъ въ разболтавшемся тылу, было роковою ошибкою, потому, что онъ вопросъ политической задумалъ рѣшить при помощи арміи, какъ вооруженной силы и едва не вызвалъ въ странѣ гражданскую, междоусобную войну.

Въ XX вѣкѣ нельзя вопросы внутренняго строительства государственнаго рѣшать штыками и саблями. Для этого есть иныя средства. Но когда читаешь то, что пишутъ социалистическія газеты по адресу Корнилова и, главнымъ образомъ, оффиціальныя Совѣтъ р. и с. д.—«Извѣстія», то поражаешься, если не предвзятости вожаковъ революціонной демократіи, то ихъ забывчивости.

Корниловъ пошелъ тѣмъ самымъ путемъ, отъ котораго предостерегали нѣкоторые представители арміи еще въ концѣ марта и который защищался членами Совѣта р. и с. д., сенаторомъ Соколовымъ и г. Богдановымъ.

Сейчасъ не лишне напомнить всему русскому обществу исторію одной деклараціи, предусматривавшей возможность корниловской попытки.

Въ началѣ апрѣля, на всероссійскомъ совѣщаніи раб. и солд. депутатовъ, принимала участіе делегація VI арміи, имѣвшая въ своемъ составѣ представителей всѣхъ политическихъ теченій. Прослушавъ пренія на Совѣщаніи, приглядѣвшись къ петроградской жизни, делегація VI арміи единогласно рѣшила указать, какъ Временному Правительству, такъ и Совѣту р. и с. д. на желаніе нѣкоторыхъ политическихъ группъ использовать вооруженную силу арміи для рѣшенія внутреннихъ политическихъ вопросовъ.

Въ особомъ обращеніи делегація VI арміи заявила:

«Мы съ тревогою замѣчаемъ, что среди нѣкоторыхъ политическихъ группъ есть желаніе втянуть армію, какъ вооруженную силу, при разрѣшеніи вопросовъ внутренняго строительства русской государственной жизни. Въ виду этого мы категорически заявляемъ, что отнынѣ на армію, получившую наравнѣ съ другими гражданами Россіи право участія въ политической жизни, можно рассчитывать, какъ на силу, которая обязана съ оружіемъ въ рукахъ защищать границы государства отъ внѣшняго врага; въ вопросахъ же внутренняго строительства армія участвуетъ лишь какъ сила организованнаго мірнѣя и всякая попытка втянуть армію въ политическую борьбу, какъ вооруженную силу,—преступна. Пора положить конецъ братскимъ междоусобіямъ и кровопролитію. Мы обращаемся ко всей арміи съ предложеніемъ присоединиться къ нашему призыву и тѣмъ самымъ порѣшить навсегда съ внутренними войнами».

Временное Правительство, принимая 4-го апрѣля делегацію VI арміи, привѣтствовало это заявленіе, какъ историческое, и горячо присоединилось къ призыву VI арміи.

Совершенно иное отношеніе встрѣтила делегація въ Совѣтъ р. и с. д. Просьба поставить эту резолюцію на обсужденіе всероссійскаго совѣщанія удовлетворенія не получила. Тогда

делегация VI арміи самостоятельно пригласила делегатовъ IV арміи и гренадерской дивизіи для обсужденія этого вопроса. На засѣданіе явились представители Петроградскаго совѣта р. и с. д. Н. Д. Соколовъ и Богдановъ, а для ихъ подкрѣпленія въ залъ явились въ большомъ числѣ солдаты Петроградскаго гарнизона.

Г. Богдановъ, возражая противъ предложенія делегаціи VI арміи, между прочимъ, сказалъ, что если во Франціи революція продолжалась чуть ли не сто лѣтъ, то ибъ никакихъ основаній думать, что въ Россіи она закончится скорѣе, а потому онъ обѣщаль, что «мы (Совѣтъ р. и с. д.) позовемъ васъ (армію) именно съ оружіемъ въ рукахъ при извѣстныхъ условіяхъ».

Не могу не вспомнить почти пророческихъ словъ члена Государственной Думы Аджемова, который въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь Богданова сказалъ:

— Я не понимаю г. Богданова и его желанія, чтобы наша революція стала перманентной. Зачѣмъ г. Богданову нуженъ французскій трафаретъ, зачѣмъ ему нужно, чтобы сначала казнили меня, Аджемова, потомъ ему, Богданову, отрубили голову и чтобы въ концѣ концовъ явился Наполеонъ, который смель бы наши свѣбды и устроилъ новую демокгогною.

Въ результатѣ преній г. г. Соколовъ и Богдановъ предложили Собранію вмѣсто резолюціи VI арміи другую, выработанную Совѣтомъ р. и с. д. Делегаты VI арміи добились, чтобы въ этой резолюціи были вставлены слова, что «армія какъ вооруженная сила не участвуетъ въ разрѣшеніи внутреннихъ вопросовъ жизни страны».

Поправка эта была Собраніемъ принята и подъ контролемъ двухъ делегатовъ VI арміи г. Соколовъ долженъ былъ вписать эти слова въ принятую Собраніемъ резолюцію.

Но въ печати эти слова были выкинуты, что, конечно, надо объяснить желаніемъ Петроградскаго Совѣта р. и с. д., чтобы армія вмѣшивалась въ политическую борьбу именно, какъ вооруженная сила.

Авторъ приказа № 1 и большевикъ Богдановъ и не могли думать иначе. Свои «убѣжденія» они не мыслятъ провести въ жизнь иными способами, какъ при помощи штыковъ и пулеметовъ. Въ полномъ единеніи съ ними дѣйствовали и думалъ Петроградскій Совѣтъ р. и с. д., повторивъ при этомъ роковую ошибку свергнутаго самодержавія, которое было убѣждено, что штыки всегда будутъ въ его распоряженіи. Но если самодержавіе имѣло какія-нибудь основанія думать такъ: примѣры прошлаго, непониманіе момента и т. п., то у Совѣта р. и с. д. не могло быть и этихъ шаткихъ основаній. Главари Совѣта не мало извели чернилъ и бумаги для доказательства, что опираться на штыки не только преступно, но подчасъ и невыгодно.

Жизнь не поспешила доказать эту истину и 3—5 июля часть арміи была втянута въ политическую борьбу большевиками.

Пролилась братская кровь.

Черезъ два мѣсяца за сабли арміи уватился и генералъ Корниловъ съ благой цѣлью спасти родину. Средство было избрано неправильное и генералъ Корниловъ потерпѣлъ крушеніе.

Ждать ли намъ еще подобныхъ экспериментовъ или же достаточно двухъ бывшихъ?

Въ делегации VI армии были люди съ средними способностями и если они отъ рядового до генерала понимали опасность вовлечения армии въ политическую борьбу и заранѣе пытались устранить эту опасность, то ужъ, конечно, вожаки Совѣта р. и с. депутатовъ, тѣмъ болѣе понимали и понимаютъ эту опасность, иначе они бы не взялись за мудреное дѣло управления государственнымъ кораблемъ.

Обливая грязью Корнилова, требуя безпощадной кары для него «чтобъ другимъ было не повадно», къ сожалѣнью, совѣтъ р. и с. д. воюетъ съ послѣдствіями, а не съ причиной.

Совѣтъ не хочетъ сказать главнаго, что вмѣшательство вооруженной силы армии въ разрѣшеніе политическихъ вопросовъ не допустимо.

А въ этомъ-то и несчастье.

Пока не будетъ признано за правило, что армия въ разрѣшеніи внутреннихъ вопросовъ участвуетъ лишь какъ сила организованнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ мы не избавлены отъ опасности гражданской войны, въ огнѣ которой сгорятъ завоеванія парода, а его надежды получить землю и волю улетятъ вмѣстѣ съ дымомъ въ воздухъ.

А. Лотовъ.

Дѣйствующая Армия.

10/Х—1917 г.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московскія Просвѣдительная Комиссія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Московская Просвѣдительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалия). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ соборанія (1613 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. ВЕРДИЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. ВЕРДИЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. ГОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація армии. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. Н. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Алархизмъ. (Печатается).
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время (Печат.).
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕЖАНЪ. Что такое свобода (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакуининъ и бунтари 1917 года. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорциональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. (Печатается).
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. „Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кр. 18. Тел. 2-39-96

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ восьми нумерахъ напечатаны статьи и очерки слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зыньковского, Н. М. Юрданскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, Ивана Новикова, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доц. А. Сакети, проф. М. Н. Соболева, свѣщ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, гр. Алексѣя Н. Толстого, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Владислава Ходасевича, С. Г. Чалхушьяна, Георгія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кр. 18, Тел. 2-39-96.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный общественно-политическій журналъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Журналъ издается подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Центрального Комитета партіи, при участіи: М. С. Аджемова, Н. И. Астрова, А. В. Васильева, В. И. Вернадскаго, Г. В. Вернадскаго, В. М. Гессена, Д. Д. Гримма, П. П. Гронскаго, кн. П. Д. Долгорукова, А. С. Изгоева, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кокоскина, А. А. Корнилова, Н. О. Лоссака, В. А. Маклакова, А. А. Мануилова, П. Н. Милукова, Н. В. Некрасова, В. Д. Набокова, кн. В. А. Оболенскаго, С. Ф. Ольденбурга, И. И. Петрункевича, М. Д. Приселкова, Д. Д. Протопопова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, А. Н. Рутцена, К. Н. Соколова, Н. В. Тесленко, А. В. Тырковой, Н. Н. Черненкова, К. К. Черносивова, кн. Д. И. Шаховскаго, А. И. Шингарева и др.

Редакторъ М. М. Винаверъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой до конца года—6 р. Розничная цѣна 25 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Французская набережная, д. 8, кр. 5.

Издательство „КОРАБЛЬ“.

А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣрить Германія? Ц. 65 к.
А. В. Карташевъ. Реформа, реформация и исполненіе церкви. Ц. 1 р. 25 к.
Д. С. Мережковскій. Зачѣмъ воскресъ? Религиозная личность и общественность. Ц. 40 к.
Георгій Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Ц. 65 к.

Москва. Складъ Московской Просвѣдительной Комиссіи. Б. Дмитровка, 13, кр. 18. Тел. 2-39-96.

Открыта подписка на газету

„ЗЕМЛЯ“.

подъ редакціей С. С. Кондурушкина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ И СОТРУДНИКИ: Г. П. Васильевъ, О. Волжеништейнъ, П. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, В. В. Каррикъ, В. В. Киселева, С. С. Кондурушкинъ, И. М. Крисавъ, Э. Ф. Лесафть, П. В. Моклевскій, В. Н. Тукалеескій, А. М. Хирьяковъ, В. Е. Чигилінъ, Вяч. Я. Шинковъ, А. К. Янсонъ.

Газета ставитъ себѣ задачей: призывать трудовую Россію къ совладательному творчеству и укрѣплять въ сознаниіи народа завоеванный новый строй. Первое время „ЗЕМЛЯ“ разсылается для ознакомленія БЕЗПЛАТНО по съ кооперативы Россіи, волостные комитеты, на фронтъ, а отдѣльнымъ лицамъ по заявленіямъ въ контору.

Подписная плата за 6 мѣс.—5 р., за 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Полугодовые подписчики (съ 1 июля по 31 дек. 1917 г.) получаютъ до конца года бесплатно 12 книжекъ слѣдующаго содержания.

1) Толковый словарь (пособіе при чтеніи газет)—С. С. Кондурушкинъ.	7) Хлѣбная монополія—В. В. Каррикъ.
2) Учредительное Собрание и его задачи Н. Н. Киселева.	8) Волостное самоуправленіе—А. К. Янсонъ.
3) Земельное устройство въ Россіи.	9) Чѣмъ богата и бѣдна Россія—Э. Ф. Лесафть.
4) Царь или предсѣдатель—А. М. Хирьяковъ.	10) Кооперация—В. Н. Тукалеескій.
5) Права человека и гражданина—Я. Я. Гуревичъ.	11) Свободная школа и ея задачи—Г. П. Васильевъ.
6) Самоуправленіе отдѣльных частей Россіи—П. В. Моклевскій.	12) Намъ дѣлала революцію другіе народы.

Въ отдѣльной продажѣ эти книжки будутъ стоить 3 рубли.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, улица Жуковскаго, 24.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.